

АНДРЕЙ КУРКОВ

СЕРЫЕ ПЧЕЛЫ



Андрей Юрьевич Курков

Серые пчелы

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34752991

Серые пчелы: Фолио; Харьков; 2018

ISBN 978-966-03-8203-9

Аннотация

...В селе Малая Староградовка, которое находится в так называемой серой зоне, остались жить всего два человека – пенсионер сорока девяти лет от роду Сергей Сергеич и его бывший одноклассник Пашка. И они, имея абсолютно противоположные взгляды на жизнь, вынуждены мириться друг с другом, хотя к одному заходят в гости украинские военные, а к другому – сепаратисты. Главная забота Сергеича – как и куда с наступлением весны увезти подальше от войны своих пчел – все шесть ульев. Увезти туда, где не стреляют, чтобы впоследствии у меда не было привкуса войны. Собравшись в дорогу, пчеловод и сам пока не представляет, какие испытания ждут его и его пчел. После не совсем удачной остановки возле Запорожья он решает ехать с пчелами в Крым, к татарину, с которым познакомился больше двадцати лет назад на съезде пчеловодов. Он даже представить себе не может, что лето, проведенное в Крыму, научит его не доверять не только людям, но и собственным пчелам.

Содержание

1	5
2	9
3	15
4	19
5	23
6	27
7	35
8	41
9	50
10	56
11	61
12	68
13	74
14	84
15	93
16	97
17	111
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Андрей Курков

Серые пчелы

© А. Курков, 2018

© Е. А. Гугалова, художественное оформление, 2018

1

Холод поднял Сергея Сергеича около трех ночи. Смастаченная своими руками по рисунку в журнале «Любимая дача» буржуйка-камин со стеклянной дверцей и с двумя конфорочными кругами для готовки пищи больше не дарила тепло. Жестяные ведра, стоявшие рядом, оказались пустыми. В темноте он опустил руку в ближнее, и пальцы уткнулись в угольную крошку.

– Ладно! – сонно промычал Сергей Сергеич. Натянул брюки, влез голыми ногами в тапки, сделанные из обрезанных валенок, накинул кожух и, прихватив ведра, вышел во двор.

Остановился за сараем перед кучей угля. Взглядом сразу нашел лопату – на дворе было куда светлей, чем в доме. Гулко посыпались угольки, ударяясь о дно ведер. А когда первый слой дно покрыл, то и звук гулкий пропал, словно дальше они беззвучно сыпались.

Где-то далеко выстрелила пушка. А через полминуты снова выстрел, только вроде как с другой стороны.

– Что, не спится дуракам? Или согреться решили? – буркнул Сергеич недовольно.

Вернулся в темноту дома. Зажег свечку. В нос приятный теплый и медовый ее запах ударил. Тихое тоже, привычное и успокаивающее тиканье будильника, стоящего на узком деревянном подоконнике, услышал.

Внутри буржуйки оставалось еще немного жара, но все равно без щепок и бумаги холодный, принесенный с мороза уголь было не разжечь. Уже после того, как заплясали за прокопченным стеклом длинные синеватые язычки пламени, вышел хозяин дома на двор еще раз. Далекая канада, внутри почти не слышимая, доносилась с восточной стороны. Но тут другой, более близкий звук привлек внимание Сергеича и заставил его слух напрячь: по соседней улице явно машина проехала. Проехала и остановилась. В селе ведь только две улицы: Ленина и Шевченко, да один переулочек Мичурина. На Ленина сам он живет, в не гордом одиночестве. А машина, значит, проехала по Шевченко. Там тоже только один жилец остался – Пашка Хмеленко, такой же ранний пенсионер, почти одногодка, враг детства с самого первого класса их сельской школы. Его огород на Горловку смотрит, то есть на одну улицу он к Донецку ближе будет, чем Сергеич. А у Сергеича огород в другую сторону, к Славянску. Скатывается к полю, что сначала вниз уходит, а затем опять вверх поднимается, к Ждановке. Самой Ждановки с огорода не видно, она как бы за горбом прячется, а вот украинскую армию, что в горб этот блиндажами и окопами вкопалась, слышно время от времени. А когда не слышно, все равно Сергеич знает, что она там, слева от лесопосадки, вдоль которой по грунтовке трактора и грузовики раньше ездили, в блиндажах да окопах сидит. Три года уже сидит. Так же, как местная братва вместе с российским военным интер-

националом в своих блиндажах чай и водку пьет за Пашкиной улицей Шевченко, за огородами, за остатками старого абрикосового сада, посаженного еще в советские времена, и за полем, которое война без крестьян оставила, как и то поле, что между огородом Сергеича и Ждановкой лежит. Тихо теперь тут! Уже недели две, как тихо. Не стреляют они пока друг в друга! Может, надоело? Может, снаряды и патроны на будущее берегут? А может, не хотят беспокоить последних двух жителей Малой Староградовки, уцепившихся за свои дома-хозяйства сильнее, чем собака за любимую косточку? Остальным малостароградовцам в самом начале боевых действий уехать захотелось. Они и уехали. Потому, что за жизнь свою испугались больше, чем за сохранность имущества, и из двух испугов выбрали который сильнее. У Сергеича испуга за свою жизнь от войны не случилось. Случилось от войны у него некое непонимание и внезапное безразличие ко всему, что его окружало. И словно все чувства пропали, кроме одного – чувства ответственности. Да и это чувство, способное в любое время суток беспокойство вызвать, ощущал он только по отношению к своим пчелам. Но сейчас у них зимовка, а стенки в уликах толстые, сверху на рамках да под крышками закрытыми – листы войлока. Снаружи по бокам – пластины железа. Но хоть ульи и в сарае, все равно дурной снаряд может с любой стороны прилететь. Тогда осколки могут сначала железо посесть, а потом... Потом у них, может, и сил не станет деревянные стенки ульев насквозь пробить да

пчелиную смерть посеять?..

2

Пашка пришел к Сергеичу в полдень. Хозяин дома как раз второе ведро угля в буржуйку высыпал, а сверху на нее чайник поставил. Думал в одиночестве чайку попить, да не вышло.

Перед тем, как незваного гостя в дом пустить, закрыл Сергеич прислоненный к стенке «сторожевой» топор веником. Мало ли, может, у Пашки для самообороны пистолет есть или «калашников»? Кто знает? Увидит топор в коридоре и лыбиться начнет, как он умеет, когда хочет показать, что собеседника за дурака держит. А у Сергеича для самообороны только топор и есть. Больше ничего. На ночь он топор под кровать кладет, и сон его по этой причине глубоким и спокойным бывает. Не всегда, конечно.

Открыл Пашке Сергей Сергеич дверь. И хмыкнул не очень дружелюбно вслед своим мыслям, которые в одно мгновение вывалили на соседа с улицы Шевченко гору обвинений, у которых, казалось, никогда срок давности не наступит. Напомнили мысли, как тот пакостил, дрался исподтишка, ябедничал учителям, списывать не давал. Можно сказать, что сорок лет простить бы да забыть обо всем! Ну простить – это да! Но как забыть, если в классе у них училось семь девчонок и только двое пацанов: он и Пашка. А значит, не было у Сергеича в школьном классе друга, был только враг!

Хотя «враг» звучит как-то уж слишком тяжело и серьезно! Вот в украинском языке хорошее слово есть – «враженьтко». Оно лучше подходит. Это такой себе «вражонок», которого никто не боится!

– Ну привет, Серый! – чуть напряженно поздоровался Пашка, войдя в дом. – Электричество ночью давали! – сообщил он, примериваясь взглядом к венику, чтобы прихватить его да снег с ботинок смахнуть.

Веник взял, а при виде топора губы скривил.

– Врешь! – спокойно ему Сергеич ответил. – Давали б электричество, я б от него проснулся! У меня свет везде включен, чтобы не пропустить, когда появится!

– Да ты крепко спал, наверное! Ты ж так спишь, что и от взрыва не проснешься! А его-то и давали только на полчаса. Вот, смотри, – протянул Пашка хозяину дома мобильник. – Даже подзарядить успел! Может, позвонить кому хочешь?

– Некому мне звонить! Чай будешь? – не взглянув на телефон, спросил Сергеич.

– А чай откуда?

– Откуда?! От протестантов!

– Ну ты даешь! – удивился Пашка. – А у меня давно закончился!

Сели за столик. Пашка – спиной к буржуйке. От нее и ее железной трубы, столбом в потолок поднимавшейся, шло тепло.

– А чего такой жидкий? – глянув в чашку, проворчал

гость. И тут же, уже другим, более приветливым голосом спросил: – А пожрать у тебя ничего нет?

Взгляд Сергеича стал сердитым:

– Ко мне гуманитарку по ночам не возят!

– Ко мне тоже.

– А что к тебе возят?

– Да ничего!

Сергеич хмыкнул. Пригубил чаю.

– И что, этой ночью тоже никто не приезжал?

– А ты чё, видел?

– Ага, за углем выходил, как холодно стало.

– Ну так это наши, оттуда! – кивнул Пашка. – На разведку.

– И что ж они разведывали?

– Проверяли, есть ли «укры» в селе!

– Врешь? – Сергеич уперся взглядом прямо в бегающие

Пашкины глазки.

Тот, как к стенке поставленный, сразу сдался.

– Ага, вру, – сознался. – Пацаны какие-то. Сказали, что с

Горловки. Предлагали «ауди» за триста баксов без документов.

– И что, купил? – ухмыльнулся Сергеич.

– Я что, debil? – Пашка отрицательно мотнул головой. –

Если бы я пошел в дом за деньгами, они бы за мной, и нож в спину! Что, я не знаю, как это делается?

– А чего ж они ко мне не подъехали? – снова ехидно ух-

мыльнулся Сергеич.

– Так я им сказал, что один в селе, – охотно отозвался Пашка. – Да и переезда теперь с Шевченко на Ленина нет. Там ведь воронка от взрыва, возле Митьковых. Только танк пройдет!

Сергеич замолчал. Только продолжал смотреть на Пашку, на его плутовскую физиономию, которая подошла бы постаревшему карманнику, много раз ловленному, битому и потому пугливому. В свои сорок девять Пашка на добрый десяток лет старше самого Сергеича выглядел – то ли из-за землистого цвета лица, то ли из-за щек обшарпанных, словно всю жизнь тупой бритвой брился и кожу свою губил. Смотрел Сергеич на него и думал, что, не останься они тут вдвоем на все село, никогда б снова разговаривать с ним не стал. Так и жили бы параллельно каждый на своей улице и каждый своей жизнью. Он, Сергеич, на Ленина, а Пашка – на Шевченко. И никогда бы до самой смерти не разговаривали. Если бы не война.

– Давно у нас тут не стреляли, – вздохнул гость. – А вон у Гатной раньше только ночью из пушек бахали, а теперь уже и днем!.. А ты, – Пашка вдруг голову чуть вперед наклонил, – если наши о чем попросят, сделаешь?

– Какие – «наши»? – недовольно переспросил Сергеич.

– Ну наши, донецкие! Что ты придуриваешься?

– Мои «наши» в сарае, а больше я никаких «наших» не знаю. Ты мне тоже не очень-то «наш»!

– Да хватит бычиться? Не выспался, что ли? – Пашка

скривил губы, чтобы свое неудовольствие выразить. – Или пчелы твои померзли, так ты на мне зло срываешь?

– Я тебе померзну! – В голосе хозяина дома прозвучала нешуточная угроза. – Ты если что против моих пчел скажешь...

– Да я что, я твоих пчел уважаю! Наоборот, беспокоюсь! – поспешил успокоить его Пашка, на попятную пошел. – Я вот не пойму, как они зимуют? Им разве в сарае не холодно? Я бы там с холода сдох!

– Пока сарай целый – не холодно! – смягчился Сергеич. – Я слежу! Каждый день проверяю.

– А как они в ульях спят? – продолжал Пашка. – Как люди?

– Ага, как люди! Каждая в своей кроватке, – объяснил Сергеич.

– Так отопления ж там у тебя нет! Или сделал? – удивился Пашка.

– А им не надо! У них внутри плюс тридцать семь. Сами себя греют.

Разговор, перейдя на пчелиную тему, зазвучал дружелюбнее. Пашка понял, что на такой спокойной ноте и уходить можно. Даже попрощаться получится, а не так, как в прошлый раз, когда Сергеич его матом послал.

– Ты, кстати, про пенсию не подумал? – спросил Пашка напоследок.

– А че тут думать? – пожал Сергеич плечами. – Как вой-

на закончится, мне почтальонша сразу за три года принесет!
Вот тогда заживу!

Ухмыльнулся Пашка, хотел хозяина дома подколоть, но промолчал.

Перед тем как уйти, еще разок взглядом с Сергеичем встретился.

– Слушай, а может, пока зарядка есть, – снова протянул ему мобильник, – Виталине своей позвонишь?

– Какая ж она моя? – удивился Сергеич. – Уже шесть лет, как не моя. Не, не буду.

– А дочке?

– Иди уже! Я же сказал – некому мне звонить! – и захлопнул за гостем дверь.

3

– И что ж это может быть? – вслух задумался Сергеич.

Он стоял на краю огорода перед белым полем, уходившим покатым, широким языком вниз, а потом так же плавно поднимавшимся вверх, к Ждановке. Там, где лежал заснеженный горизонт, прятались укрепления украинской армии. Разглядеть их отсюда Сергеич не мог. Далеко, да и зрение оставляло желать лучшего. Справа уходила туда же, вверх по пологому подъему, местами густая, местами жидкая лесополоса ветрозащиты. Правда, вверх начинала она уходить только от излома земли, а до поворота на Ждановку высажены были деревья ровной линией вдоль грунтовки, которая сейчас смиренно лежала под снегом, так как с начала военных действий никто по ней не ездил. А когда до весны 2014-го ездили, то доехать могли и до Светлого, и до Калиновки.

Сергея Сергеича сюда, на край огорода, обычно выносили ноги, а не мысли. По двору он бродил часто: хозяйство осматривал. То в сарай к пчелам, то в сарай-гараж к своей зеленой «четверке», то к куче длиннопламенного угля, уменьшавшейся с каждым днем, но все равно дававшей уверенность в завтрашнем и послезавтрашнем тепле. Иногда ноги заносили и в сад, и тогда останавливался он у спящих яблонь и абрикос. А реже он оказывался на самом краю огорода, где так же хрустела, ломаясь под ногами, бесконечная

корка снега, но ботинки никогда глубоко не проваливались, потому что зимний ветер всегда скатывал снег вниз, в поле, к излому. А значит, оставалось его наверху, и на огороде у Сергеича, немного.

И вот вроде бы надо и домой идти, полдень скоро, но это пятно там, на подъеме поля к украинским окопам, к Ждановке, озадачило Сергеича и не отпускало. Пару дней назад, когда он последний раз на край огорода выходил, не было на белоснежном поле никаких пятен. Один снег, в который, если всмотреться, то белый шум начинаешь слышать – это такая тишина, которая за душу холодными руками берет и долго не отпускает. Тишина тут, конечно, особая. Звуки, к которым привык и на которые внимания не обращаешь, тоже становятся частью тишины. Как, например, отголоски далеких артобстрелов. Вот и сейчас – Сергеич заставил себя прислушаться – где-то справа километрах в пятнадцати бьют и где-то слева – тоже вроде, ну если только это не эхо.

– А может, человек какой? – снова спросил сам себя вслух Сергеич, всматриваясь.

На мгновение показалось, что воздух прозрачнее стал.

«Ну а что еще там может быть? – подумал. – Был бы бинокль, все б разглядел! Да грелся бы уже в домашнем тепле... А может, у Пашки бинокль есть?»

Повели теперь ноги его вслед мыслям – к Пашке. Позади осталась обойденная по краю воронка от снаряда возле дома Митьковых. Дальше по Шевченко – по следу недавно проез-

жавшей машины, про которую мог Пашка и правду, в конце концов, сказать, а мог и соврать – с него станется!

– У тебя бинокль есть? – не поздоровавшись, спросил у врага детства, открывшего дверь.

– Есть, а тебе зачем? – Пашка, похоже, тоже решил не здороваться: к чему лишние слова произносить?

– Там с моей стороны на поле лежит что-то. Может, и труп!

– Щас! – Глаза у Пашки загорелись вопросительным огоньком. – Подожди!

Воронка у дома Митьковых осталась позади.

Сергеич на ходу посмотрел на небо – показалось ему, что уже темнеет, хотя даже самые короткие зимние дни не заканчиваются в половине второго! Потом бросил взгляд на массивный старый бинокль, болтавшийся на коричневой кожаной ленте на выпяченной кожухом вперед груди Пашки. Грудь кожуха, конечно, так бы не выпячивалась, если бы тот не завернул внутрь овчинные отвороты воротника. Сам воротник стоял забором вокруг тонкой шеи, ответственно защищая ее от морозного ветра.

– Ну, где? – Пашка приставил бинокль к глазам, как только остановились они на краю огорода.

– Туда вон смотри, прямо и чуть направо, на подъеме! – Сергеич указал рукой.

– Так-так-так, – приговаривал Пашка. – Ага! Вижу!

– И что там?

– Труп военный. А вот чей? И где ж его шеврончики? Не, не видно. Неудачно лег!

– Дай посмотреть! – попросил Сергеич.

Пашка снял бинокль с шеи, протянул.

– Держи, пчеловод! Может, у тебя глаз острее!

То, что темным издалека казалось, при приближении вышло зеленым. Мертвец лежал на правом боку, затылком к Малой Староградовке, а значит, лицом к украинским окопам.

– Че видишь? – спросил Пашка.

– Че вижу? Лежит. Мертвый. Солдат. Хрен его знает чей! Может, тех, может, этих!

– Ясно, – Пашка кивнул, и голова его внутри поднятого высокого овечьего воротника своим движением вызвала у Сергеича, уже отнявшего от глаз окуляры бинокля, улыбку.

– Ты чего? – подозрительно спросил Пашка.

– Да ты как колокол перевернутый в своем воротнике. Голова больно маленькая для такой роскоши!

– Какая есть, – огрызнулся Пашка. – Зато в маленькую голову пулей попасть сложнее, а в большую, как у тебя, и с километра не промахнешься!

Протопали они вместе через сад-огород-двор до калитки на Ленина. Молча, друг на друга не глядя. Там Сергеич попросил Пашку на пару деньков бинокль ему оставить. Тот оставил. И к переулку Мичурина пошел, не оглядываясь.

4

Ночью Сергей Сергеич не от своего холода поднялся, а от чужого, приснившегося. Точнее, приснилось ему, что он солдат. Убитый и на снегу брошенный. И мороз страшный вокруг. Мертвое тело и так коченеет, а тут прямо камнем взялось и само стало холод излучать. И лежал Сергеич во сне внутри этого каменного тела. Лежал и ощущал, как внутри сна, так и снаружи его – в своем собственном теле – холодный ужас. Терпел, пока сон не отпускал. А как только сон ослаб, встал он с кровати. Подождал, пока пальцы от пережитого во сне холода дрожать перестанут. Подсыпал из ведра в топку буржуйки угольных «орехов». Присел в темноте за стол.

– Что ж ты мне спать не даешь? – прошептал.

Сидел с полчаса. Глаза к темноте привыкли. Воздух по комнате горизонтально расслоился – щиколоткам холодно стало, а плечам и шее – тепло.

Вздыхнул Сергеич, свечку желтую зажег, подошел к шкафу, открыл левую дверцу. Свечу к нутру шкафа поднес. Там среди пустых плечиков висело платье жены, бывшей жены Виталины. Она его специально оставила. Как прозрачный намек. Как одну из причин своего ухода.

В дрожащем из-за маленького язычка пламени полумраке узор платья не очень-то был виден, но Сергеичу и не надо бы-

ло. Он его назубок знал, весь его незатейливый сюжет-узор: на голубой ткани большие рыжие муравьи бегут, одни вверх, другие вниз по платью, густо-густо, наверное, тысячи муравьев! Это ж надо, чтобы какому-то придумщику одежды такое в голову пришло?! Нет, чтобы просто и как у всех красиво: платье в горошек или в ромашках, или в фиалках?

Задавил Сергеич по привычке огонек свечи большим и указательным пальцами правой руки. Сладкий прощальный дымок свечки носом уловил. И снова лег в кровать. Под одеялом тепло. В таком тепле и сны должны сниться теплые, а не пронизывающие холодным ужасом!

Глаза словно сами закрылись – без его участия. И вот уже закрытыми глазами, в дреме, опять знакомое платье с муравьями увидел он. Только в этот раз не в шкафу, а на ней, на Виталине. Длинное, ниже колен. И муравьи эти рыжие будто забегали по ткани оттого, что шла Виталина по их улице Ленина, и ветерок подол платья развевал. А Виталина не шагала, а плыла. Точно так, когда она в первый раз со двора вышла. Можно сказать, выбралась, чтобы себя улице и селу всему предъявить, как некий важный документ, от одного вида которого все встречные посторониться обязаны. Еще не все сумки и чемоданы распаковала она в тот первый после переезда из Винницы день, но сразу из вещей «муравьиное» платье вытащила, погладила, надела и отправилась к церкви, что в конце улицы стояла. Сергеич пытался ее остановить, упрашивал что-нибудь другое надеть, но куда там! С харак-

тером Виталины и ее и любовью к «красивому» сладить было трудно. Невозможно даже.

Думала она тогда, что Сергей вместе с ней по улице прогуляется, но он ее только до калитки проводил. А дальше идти с женой, в «рыжих муравьев» нарядившейся, застыдился.

И зашагала она сама, смелой, даже вызывающей походкой, привлекая соседей и соседок к заборам, окнам и калиткам. Живым ведь тогда село было – почти в каждом дворе смех детский звенел!

Ясное дело, что несколько следующих дней все село ей косточки перемывало.

Но ведь он ее не за платье полюбил и в жены взял! Без платья она была куда лучше и только ему принадлежала! Жаль, что не так долго, как хотелось.

Странное дело, но сон, охвативший Сергеича, показал ему этот первый проход селом Виталины иначе, чем на самом деле было. Во сне шел он рядом. И за руку ее держал. И с соседями и соседками здоровался, кивал, хотя взгляды их приклеивались к платью с муравьями, как мухи приклеиваются летом к вывешенной над столом ленте-липучке.

Дошли они во сне до церкви, но в ее открытые ворота заходить не стали, а обошли божий дом и ступили на кладбищенскую землю, где молчащие кресты и могильные камни отбирают у людей желание улыбаться или говорить громко. Там подвел Сергей Виталину к могиле родителей, не доживших и до пятидесяти, потом других своих родственников показал:

сестру отца с мужем, двоюродного брата с двумя сыновьями, по пьянке в аварии погибшими, племянницу тоже не забыл, хоть запроторили ее на самый край кладбища, над оврагом. А все потому, что ее отец с председателем сельсовета поругался, а тот чем смог, тем и отомстил.

Если в одном месте долго живешь, то родни на кладбище всегда больше, чем той, что рядом здравствует.

Подказала тут память увлеченному сном спящему, что на кладбище они действительно ходили на второй или третий день после переезда Виталины, только одета в тот раз она была соответственно – во все черное. И черное ей очень к лицу было, так Сергеичу тогда казалось.

За окном вдруг громко грохнуло. Вздрогнул он, потерял нить сна. Исчезло и кладбище, и Виталина в ее «муравьином» платье испарилась, и сам он тоже пропал. Словно в кинотеатре во время показа фильма пленка в проекторе оборвалась.

Не стал Сергеич из-за этого грохота глаза открывать.

«Ну, взорвалось где-то, – подумал. – И не так близко, просто калибр крупный! Если б близко, то с кровати бы сбросило». А если б в дом снаряд попал, то так бы и остался он в этом сне, где как-то и уютнее было, и теплее, чем в жизни. К тому же и платье «муравьиное» больше не раздражало, а скорее даже уже и нравилось!

5

– Он же у них прямо под ногами лежит! – Пашка, сердясь, не скрывал своего возмущения. – Могли б уже и забрать!

Со стороны разбомбленной церкви дул холодный колкий ветер. Пашка, казалось, вжимал голову в плечи, стараясь от него спрятаться за поднятым воротником овечьего козуха. Недовольный его профиль напоминал Сергеичу какую-то революционную картинку из советского учебника истории.

Они снова стояли на краю огорода. Пашка с самого утра хмурился. Хмурым и двери часом раньше на стук Сергеича открыл, и внутрь не позвал. Правда, собрался быстро и идти со своим врагом детства на край огорода не отказался.

– Может, он тебе спать и мешает, – ворчал на ходу. – А мне до него дела нет! Лежит себе да и все! Рано или поздно закопают-захоронят!

– Но это ж человек! – пытался объяснить свою точку зрения Сергеич, не глядя под ноги, а оттого и спотыкаясь. – Человек должен или жить, или в могиле лежать!

– Ляжет он, – отмахнулся рукой Пашка. – Придет время, и все лягут!

– Но, может, давай сползаем, хотя бы в посадку его оттащим, чтобы видно не было?

– Я не полезу! Пусть лезут те, кто его туда посылал!

По твердости голоса Пашки Сергеичу понятно стало, что

разговор этот вообще-то бесполезный. Но он его все равно продолжал.

Продолжал уже и тогда, когда остановились они на утоптанном снегу перед спускавшимся вниз полем.

– Дай бинокль! – потребовал Пашка.

Смотрел в него пару минут, и губы его кривились. Не нравилось ему увиденное так же, как Сергеичу, только мысли у него вызывало это совсем другие, не такие, как у соседа.

– Если б он от них полз, значит «укроп», – принялся вслух рассуждать Пашка, отняв бинокль от глаз. – Если б к ним – то наш! Если б знать, что наш, можно было б ребятам в Каруселино сказать, и пусть бы они его ночью вытаскивали! Но он ведь поперек лежит! И непонятно, куда полз или шел! Ты, Серый, кстати, ночью прилет слышал?

– Ага, – кивнул Сергеич.

– Кажется, в кладбище попали!

– А кто?

– Хрен его знает! Чаю не подкинешь?

Сергеич прикусил губу. Отказывать было неудобно, ведь пришел все-таки Пашка на его зов сюда, хоть и не хотел!

– Подкину, пошли!

Перемолотый подошвами тяжелых ботинок снег захрустел под ногами идущих сухо, как мерзлый песок.

Сергеич шагал первым. Шагал и думал: во что Пашке чаю отсыпать? В спичечный коробок – мало, обидится, в майонезную баночку – много.

На пороге оба постучали подошвами о бетон, сбили снег.

Все-таки в майонезную баночку насыпал Сергеич Пашке чаю, только не полностью ее наполнил, а где-то на две трети.

– Тебе бинокль еще оставить или уже насмотрелся? – стараясь выглядеть благодарным, спросил Пашка.

– Да, оставь, – попросил пчеловод.

Расстались они в этот раз по-дружески.

Оставшись один, Сергеич сходил в сарай, зимующих пчел проведаль. Проверил, все ли в порядке. Потом в гараж заглянул, посмотрел на свою зеленую «четверку». Думал было мотор завести, но испугался, что пчел побеспокоит – они ведь рядом, за деревянной стенкой – сарай и гараж как близнецы-братья, да и почти что под одной крышей.

За окном уже сумерки ранние зимние наступали. Запасся Сергеич на ночь углем – полведра в буржуйку засыпал. Дверцу закрыл, сверху кастрюлю воды поставил. Будет у него сегодня на ужин гречка. А потом почитает он книжку при свече – свечей у него много теперь. Больше, чем книжек. Книжки все старенькие, советские, в серванте за стеклом слева от сервиза. Старенькие, но читаются легко, и буквы четкие и крупные, и понятно все потому, что простые истории рассказывают. А свечки в углу. Два ящика. В них они плотными слоями лежат, и каждый слой от другого вощенной бумагой отделен. А она – эта вощенная бумага – сама по себе ценность! С ней и под дождем можно костер разжечь! И под ураганным ветром тоже! Она как загорится, так ничем ее не потушишь!

Когда снаряд в их «ленинскую» церковь попал – ну, «ленинской» ее все называли потому, что она в самом конце улицы Ленина стояла, – и она, деревянная, сторела, пошел Сергеич туда на следующее утро, и в каменной пристройке, взрывом настержь развороченной, два ящика церковных свечей увидел. Забрал их. Сначала один домой отнес, потом второй. Вот так добро добром и возвратилось, как в Библии написано. Сколько лет он свой воск батюшке в церковь дарил. Как раз на свечи! Дарил-дарил, а потом и свечи в подарок от Господа получил. Очень вовремя – когда электричество пропало. Вот и служат они ему теперь вместо лампочки! Это ведь тоже дело святое – человеку в тяжкое время его жизнь освещать!

6

После нескольких спокойных, безветренных дней наступил вечер темнее обычного. Принесло его невидимое снизу в зимней темноте волнение неба, где легкие тучи были оттеснены тяжелыми, а из тяжелых неожиданно повалил на землю, укрытую старым, отвердевшим от сухого ветра снегом, новый, пушистый.

Сергеич, зевая, новую порцию длиннопламенного угля в буржуйку забросил. Желтую церковную свечу двумя пальцами потушил. Вроде бы уже все, что перед сном сделать надо было, совершил. Оставалось только натянуть по уши одеяло да заснуть до утра или до холода. Однако тишина из-за снегопада будто бы неполной показалась. А когда тишина неполная, то возникает, хочешь не хочешь, желание сделать что-то, чтобы восполнилась она. Но как? К далеким канонадам Сергеич давно привык, и стали они оттого важной частью тишины. А вот снегопад – гость гораздо более редкий – взял и перекрыл их своим законным шуршанием.

Тишина, конечно, штука произвольная, и ее, как личное звуковое явление, каждый человек сам под себя подстраивает, подгоняет. Раньше тишина у Сергеича была такой же, как у других. Ее частью легко становилось гудение самолета в небе или пение сверчка, ночью через форточку влетающее. Все негромкое, что не раздражает и не заставляет обо-

рачиваться, в конце концов становится частью тишины. Так раньше с мирной тишиной было. Так стало и с тишиной военной, в которой военные звуки подавили мирные, оттеснили звуки природы, но, приевшись, став обыденными, тоже как бы под крылья тишины легли, перестали к себе внимание привлекать.

И лежал теперь Сергеич, охваченный странным беспокойством из-за казавшегося ему слишком громким снегопада. Лежал и, вместо того чтобы засыпать, думал.

И снова вспомнился ему лежащий на поле мертвец. Но в этот раз мысль порадовать Сергеича поспешила, подсказав, что теперь уж его точно видно не будет! Ведь такой снег все покроеет, и до весны, до оттепели! Ну а весной все изменится, природа проснется, птицы запоют громче, чем пушки стреляют. Потому что птицы запоют ближе, а пушки останутся там, вдалеке. И только иногда по непонятной причине, может, по-пьянке или из-за сонливости, будут артиллеристы на их село, на Малую Староградовку, то один, то два снаряда случайно ронять. Раз в месяц, не чаще. И будут эти снаряды падать там, где нет уже ничего живого: то на кладбище, то на церковный двор, то на давно пустое и без окон здание старой колхозной конторы.

А он, если война продолжится, оставит село на Пашку и увезет своих пчел – все шесть ульев – туда, где войны нет. Где поля не в воронках от взрывов, а в полевых цветах или в гречке, где ходить можно легко и бесстрашно что по лесу,

что по полю, что по дороге проселочной, где людей много, и даже если они не улыбаются встречным, то все равно жизнь просто даже из-за их количества и беззаботности как-то теплее кажется.

Мысли о пчелах умиротворили Сергеича и вроде бы сон приблизили. И вспомнился ему дорогой памяти и сердцу день, когда приехал к нему первый раз хозяин Донбасса и почти всей страны, бывший его губернатор и просто понятный во всех отношениях человек, понятный и вызывающий доверие, как старые бухгалтерские счета с костяшками. Приехал он с двумя охранниками на джипе. Жизнь тогда совсем другая была, тихая. До наступления военной тишины оставалось лет десять, а то и больше! Соседи повыскакивали, смотрели с завистью и с любопытством, как входил гора-человек в калитку, как руку Сергеичу своей ручищей жал. Кто-то из них, может, и услышал, как он спросил тогда: – Так это ты Сергей Сергеич? Это у тебя можно на пчелах подремать? Ты сам это дело выдумал? – Нет, придумал кто-то другой, я в журнале по пчеловодству увидел. Но лежанку я сам сделал! – гордо ответил ему тогда пчеловод. – Ну, покажи-ка! – пробасил гость, улыбаясь тяжелой, но приветливой улыбкой. Повел его Сергеич в сад, где шесть ульев по два спинками друг к другу стояли. На них – деревянный щит и тонкий матрас, соломой наполненный.

– Туфли снять? – спросил хозяина гость. Посмотрел Сергеич на его туфли и обомлел: остроносые, аккуратнейшей

формы, отливали они перламутром, как иногда бензиновые пятна на луже при ярком солнце отливают, только перламутр их был благороднее бензиновых разводов. Перламутр их светился так, словно воздух над ними плавился, как при сильной жаре бывает. Плавился и, теряя полную прозрачность, добавлял и цвету тувель и форме еще больше объемности, необычного дрожания. – Нет, зачем снимать?! – замотал головой пчеловод.

– Что, понравились? – улыбнулся гость, своими словами заставляя хозяина дома взгляд от обуви оторвать.

– Да конечно! Такой красоты еще не видел! – признался Сергеич.

– А у тебя какой размер ноги? – неожиданно поинтересовался губернатор.

– Сорок второй!

Гость кивнул и примерился пятой точкой к среднему улью – под ним ступенька-табуретка деревянная стояла. Поднялся на нее, а с нее уже аккуратно уселся и на тонкий матрац. Лег на правый бок, осторожно ноги вытянул и по-детски, как школьник на строгого учителя, посмотрел на Сергеича. – Лучше на спину или на живот? – спросил. – На спине лучше, – подсказал Сергеич. – Больше площадь соединения тела с ульями. – Ну ты иди, а я посплю. Тебя позовут! – сказал гость, бросив взгляд на охранников, стоявших чуть в стороне от пчелиной лежанки. Один из них кивнул, дал знать, что услышал.

Сергеич в дом вернулся. Телевизор включил – электричество тогда было. Пытался отвлечься, но мыслями оторваться от важного гостя и от его туфель не мог. Мысли потревожило опасение: как бы ножки у ульев от тяжести не подломились! Заварил Сергеич чай, пил, а беспокойство о возможной хрупкости ульев, которые сам мастерил, все не пропадало. Ведь когда мастерил он их, то только об удобстве пчел думал, а о том, что сон на пчелах полезен и целителен, еще не знал.

В тот раз важный гость оставил триста долларов и литровую бутылку водки в благодарность. С того дня все, кто его, Сергеича, не любил или не замечал, здороваться с ним стали, словно его архангел крылом коснулся!

Год спустя, тоже ранней осенью, снова приехал к нему губернатор. К тому времени Сергеич уже и беседку вокруг лежанки построил. Такую легкую и раскладную, что можно было ее за час собрать и за час разобрать. Матрац еще более тонким сделал, чтобы не глушила солома ни одной малейшей вибрации от сотен тысяч пчел.

Гость выглядел уставшим. Охранников с ним было человек десять, да и машин, пожалуй, столько же на улице Ленина вдоль его забора выстроилось. Кто в них сидел и почему не выходили они – этого Сергеич так и не понял. Спал или лежал во второй раз хозяин Донбасса на ульях часов пять или шесть. На прощанье не просто тысячу долларов в конверте подарил, а и обнял сильно, по-медвежьи. Словно с до-

рогим ему человеком прощался.

«Ну все, – решил Сергеич. – Такая удача не повторяется! Не приедет он больше!» Причин так думать было несколько. Одна из них совершенно банальная – сон на пчелах теперь рекламировали в каждом райцентре. Конкуренция зашкаливала. А он, Сергеич, никакой рекламы себе не делал. Правда, в селе знали, что бывший губернатор специально, даже из Киева, на его пчелах поспать приезжал. Знали, и друзьям, родне и знакомым из других сел и городков рассказывали. Так что с завидной для других пчеловодов регулярностью появлялись перед калиткой Сергеича желающие поспать на «губернаторских пчелах». Цену Сергеич не завышал, особо приятным клиентам чай с медом приносил. Разговаривал с ними охотно о жизни. В доме-то о жизни говорить уже было не с кем: ушла от него жена с дочкой, сбежали, пока он в Горловку на рынок оптовый ездил. Оставили его душевно раненым. Но он выстоял. Собрал волю в кулак и не дал на-вернувшимся на глаза слезам вниз на щеки скатиться. И зажил дальше. Спокойно и сытно зажил, наслаждаясь летом жужжанием пчел, а зимой – тишиной и спокойствием, белоснежностью полей и неподвижностью серого неба. Мог бы ведь так и всю жизнь прожить, да не вышло. Что-то сломалось в стране, сломалось в Киеве, там, где всегда что-то не в порядке. Сломалось, да так, что пошли по стране, как по стеклу, болезненные трещины, и из трещин этих кровь полилась. Началась война, смысл которой вот уже три года оста-

вался для Сергеича туманным.

Первый снаряд попал в церковь. И уже на следующее утро стали жители покидать Малую Староградовку. Сначала отцы матерей с детьми отправляли по родственникам: кто в Россию, кто в Одессу, кто в Николаев. Потом и сами отцы ушли. Кто в «сепаратисты», а кто в беженцы. Последними вывозили отсюда стариков и старух. С криками, плачами, проклятьями. Шум стоял страшный. И вдруг однажды так тихо стало, что Сергеич, выйдя на улицу Ленина, чуть от тишины не оглох. Тишина та тяжелая была, словно из чугуна вылита. Перепугался тогда он, что один-одинешенек остался на все село! Пошел с опаской по улице, за заборы заглядывая. После ночи пушечных залпов эта тишина давила так, будто он на спине мешок угля тащил. А двери на домах уже досками забиты. Окна фанерой заколочены. Дошел Сергеич до церкви, а это без малого километр. Перешел на Шевченко и обратно по параллельной улице на ватных ногах зашагал. И вдруг кашель услышал и обрадовался. Подошел к забору, из-за которого кашель доносился, а там Пашка. Сидит себе во дворе на скамейке. В левой руке бутылка с водкой, в правой – папироса.

– А ты чего? – спросил его Сергеич. Здраваться они с детства не здоровались.

– Я чего? А мне чего? Я что, все это бросать должен? У меня погреб глубокий, там отсижусь, если надо!..

Такой вот оказалась первая весна войны. А теперь уже

третья ее зима. Это ж почти три года, как они вдвоем с Пашкой жизнь в селе удерживают! Нельзя ведь село без жизни оставлять. Если все уйдут, то никто и не вернется! А так обязательно вернутся. Когда или дурь в Киеве закончится, или мины со снарядами.

Две ночи и два дня минули после снегопада. Сергеич во двор только за углем выходил. Снег под ногами хрустел теперь по-другому. Ноги мягко тонули в свежем снежном ковре – не очень-то и глубоко. Но вот что удивительным Сергеичу показалось: заметил он в некоторых местах в новом снегу проплешины, через которые старая корка наста выглядывала. Странно, что не намело хотя бы полметра! Ну так и метели не было. Снег просто падал, легко и непринужденно. А потом куда-то отходил, отлетал. Или низовой ветер, поземка, укатывал его куда-нибудь в сторону естественных преград, где он сугробом мог бы собраться. Только искать эти сугробы желания у Сергеича не возникло.

На буржуйке кипел чайник. Буржуйку, как газовую плиту, не выключишь. Поэтому пришлось чайнику вхолостую кипеть, пока Сергеич не снял его, перехватив горячую ручку старым кухонным полотенцем, чтобы не обжечься. Налил в кружку фаянсовую с логотипом «МТС» кипятка, порадовал кипятком щепоткой чаю. Поднял с пола на столешницу литровку меда.

«Можно было б Пашку позвать, – подумал, позевывая. А потом сам себе сказал: – И так хорошо! Не идти же за ним на другой край села!»

То, что «другой край села» отстоял от дома Сергеича ну,

может, на метров триста-четыреста, дела не меняло.

Он еще свою первую кружку не допил, когда где-то недалеко взрыв прогремел. Стекла в окнах задрожали звонко, до рези в ушах.

– Вот мудаки! – вырвалось у пасечника с горечью. Спеша, поставил на стол кружку – чай расплескал, подбежал к ближнему окну. Проверил, – не пошли ли по нему трещины... Нет, уцелело.

Остальные окна осмотрел – тоже все целы. Задумался: а не пойти ли посмотреть, где бахнуло, и не соседский ли какой дом разворотило?

«Да ну его на хрен! Главное, что не мой!» – махнул Сергеич через минуту рукой и за стол вернулся.

Вот если б за первым взрывом второй прозвучал, тогда б другое дело. Тогда б он сразу в погреб, как три года назад, когда ни с того ни с сего стали на Малую Староградовку и ее окрестности мины и снаряды сыпаться!..

До раннего февральского вечера оставалось еще часа два. И это тоже удивляло. То, что снаряд на село днем при свете упал! Если б в темноте, тогда ясно – промахнулись. Но днем-то? Пьяные они, что ли, или скучно им в тишине? Да и кто они – эти «они»: те, что в Каруселино, или те, что между их селом и Ждановкой стоят?!

Разбавил Сергеич свои горькие мысли медом и полегчало ему. Долил в кружку кипятка. Усмехнулся, глядя на логотип. У него тоже «МТС» есть, в мобильнике. Иначе, конечно б, и

кружки не было. Только мобильник мертвым грузом в ящике серванта лежит. Вместе с зарядным устройством. Вот вернется в село электрика, можно будет зарядить его и проверить, есть ли связь, или с ней то же самое, что с электрикой? А если и связь, и электрика вернуться, то другой вопрос встанет: кому звонить? Пашке? Так к нему, если надо, дешевле пешком пройти. Да и номера его у Сергеича нет. А чтобы жене бывшей, Виталине, позвонить, надо правильно и заранее слова для разговора подобрать, а еще лучше – записать на листочке, а потом с листочка прочитать, чтобы она трубку не бросила! Можно было бы позвонить да хотя бы делами дочурки поинтересоваться. А если разговор заладится, то и про жизнь в Виннице расспросить! Как же это так вышло, что ни разу он к своим теще и тестю не поехал, да и вообще, можно сказать, почти никуда за сорок девять лет жизни не ездил. Никуда, кроме Горловки, Енакиево, Донецка да еще трех-четырех десятков шахтерских городков и поселков, куда его до присвоения инвалидности в командировки посылали. Должность у него была важная – инспектор по технике безопасности. В некоторых шахтах он по двадцать, а то и больше раз бывал. Надышался их безопасностью так, что в сорок два пенсионером-инвалидом стал. Силикоз – штука серьезная. А то, что много его среди всех, кто под землей работает и работал, делает его чем-то на грипп похожим. Кашляют себе люди, да и все!

И тут в дверь кулаком ударили.

Вздрогнул Сергеич, и сразу над своим испугом посмеялся: кто тут кроме Пашки появиться может?

Открыл дверь – перед собой мертвенно-бледную и горечью переполненную Пашкину физиономию и увидел.

– Неужто твой дом? – перепугался.

– У Красюка полдома и сарай снесло! – сообщил дрожащим голосом «враг детства».

– Хм, – сочувственно промычал Сергеич, приглашая гостя внутрь.

Усадил за стол, налил чаю, ложку ему дал, чтобы в меде себе гость не отказывал.

Сергеич понимал Пашкин испуг. Красюки через дом от него жили. То есть уж если там бабахнуло, то остался Пашка без окон! Это точно!

– Я, Серый, у тебя сегодня переночую? Хорошо? – поднял гость глаза на хозяина дома.

– Ночуй! А что там, и по тебе попало?

– Стекла, – выдохнул Пашка. – Все! Мне повезло – один осколок возле лица пролетел и в буфет встрял! Я как раз ужинал, картошку с салом наминал.

Пашка неожиданно замолк и осторожно в глаза Сергеичу заглянул. И понял Сергеич причину этой паузы – проговорился гость, что с едой у него все в порядке. А ведь совсем недавно жаловался, что есть нечего! Улыбнулся Сергеич мысленно. Ему сейчас все равно было жалко своего «врага детства» – холодный дом, на дворе градусов двенадцать

мороза, если сутки дом без окон простоит, потом три дня согревать придется!

– Хорошо, – кивнул он. – Переночуешь, но надо же стекла вставить, а то вообще ко мне переедешь!

– А где я сейчас их возьму? – удивился Пашка.

– Недалекий ты человек, – незлобно вымолвил пчеловод. – Думать ленишься! Когда у человека сердце отказывает, его или хоронят, или срочно донора ищут! Что, газет никогда не читал?

– Ты это к чему? – В голосе гостя прозвучали нотки подозрения. – Какого донора?

– Ладно, инструмент у меня есть, – размышлял теперь вслух Сергеич, – давай теперь подумаем, чей дом у нас целый стоит, но хозяев уже нет?

Пашка обрадовался тому, что мысли Сергеича понял.

– Животкина Клава! Она ж еще до войны умерла! – вспомнил он, но тут же энтузиазм в его глазах затух. – Только у нее хата старая и окна в ней маленькие. Надо, чтоб большие были! Может, Арзамяна дом подойдет?

– А он что, умер? – насторожился Сергеич.

– Ну, не знаю, – замялся Пашка. – Уехал – это точно. Вроде в Ростов! Он ведь не русский, да и не украинский тоже! Армянин!

– Ну и что? Жил тут, значит наш! Думай дальше! А то вернется, как я ему в глаза смотреть буду?

– Ну тогда Серовы! – Пашка обрадовался. – Точно! Их же

миной убило! Всех, вместе с детьми!

– Да, – Сергеич кивнул, помрачнел, вздохнул тяжело. Вспомнил, как Серовы первые из села рванули, даже окончания обстрела не дождались. И на выезде, за селом уже их мина накрыла. Прямо в «Волгу» попала. Развороченная, она так и лежит там на грунтовке.

– Хорошо, – Сергеич поднял взгляд на гостя. – Допьем чай и пойдем! Думаю, до вечера управимся. Стеклорез у меня хороший.

Благодарность Пашкина за вставленные стекла и одну ночь, проведенную у Сергеича, имела свои пределы. Оставил он у него бинокль еще на некоторое время. А вот сала, о котором случайно упомянул, когда пришел за помощью, пчеловоду не предложил. Ни кусочка. А по салу Сергеич соскучился. Ну, не так, чтобы аж. Не упомяни тогда Пашка про картошку с салом, и сейчас бы Сергеич о сале не вспомнил бы. Но в холодное военное время, при церковных свечах и без электричества всякое упоминание о прошлых мелких радостях пробуждало тоску и желание. Если б Пашка вместо сала тарань или другую какую сушеную-вяленую рыбу упомянул, маялся бы сейчас Сергеич мыслями о рыбе, а точнее – об ее отсутствии. Но ведь отсутствие всего в доме Сергеича было почти полным и бесконечным. Бесконечно долго можно было бы перечислять все, что под рукой или в погребке у него отсутствует. А вот что присутствует – это можно было бы очень легко назвать: мед, водка, разные своей работы настойки, лекарства на перге и прочих пчелиных радостях. Где-то еще бутылка коньяка «Октябрьский» спрятана, вот только не помнил он где. Уже и искал пару раз, да не нашел. Будь он такой болтун, как Пашка, пришлось бы ему уже давно все свои запасы с врагом детства разделить. Как-то уже и думать о нем как о «враге» не хотелось. С каждой

новой встречей, даже если и ругались они, казался Пашка Сергеичу все ближе и понятнее. Они теперь в чем-то братья, хотя слава Богу, что не родные!

В дверь негромко постучали.

– О! Стоило человеку помочь, так он сразу и вежливее стал! – усмехнулся Сергеич.

Взял со стола горящую свечку, в коридор вышел.

Оттолкнул-отпер дверь, а за ней темень вечерняя и фигура с лицом не Пашкиным, а моложе, и глаза напряженные, в которых огонек церковной свечи отражается.

Замер от неожиданности Сергеич. Пока стоял ступором, понял, что незнакомец, которому он дверь открыл, в камуфляж одет, и висит у него на плече автомат коротким дулом вниз.

– Вы, это, извините, что поздно... и без предупреждения, – заговорил незнакомец смущенно.

Сергеич понял, что вряд ли он пришел его убить или ограбить. Иначе чего б извинялся. Вдохнул, поближе левую руку со свечой в сторону непрошеного гостя протянул. Увидел, что тот совсем еще юнец, может, лет двадцати двух – двадцати трех от роду.

– Зайти можно? – спросил незнакомец.

– Ну если разуешься и железку в коридоре оставишь! – проговорил Сергеич наигранно сурово, хотя тут же почувствовал, что голос его вот-вот задрожит от страха, оттого, что он военному как бы приказывает оружие сдать.

– Разуться могу, – сказал парень в камуфляже. – Оружия оставить не имею права.

– Ну хоть так, – Сергеич облегченно вздохнул.

Закрыв за непрошеным гостем двери на железную щеколду и на крючок. Бросил взгляд на высокие ботинки, оставленные под стенкой.

В комнате хозяин дома незнакомцу предложил за стол присесть.

– Может, водочки? – спросил из вежливости, хоть тут же себя мысленно за ненужную гостеприимность по губам ударил.

– Нет, спасибо! – мотнул головой парень. – Я бы чаю!

– Будет тебе чай, – закивал Сергеич.

Показалось ему, что одной свечи недостаточно для двоих за столом. Достал еще две. Зажег. Утроил освещение, можно сказать.

– Будет тебе чай, – повторил, присматриваясь к лицу незнакомца, проверяя, не пропустил ли он что-либо на его лице при одной свече. – Звать-то тебя как?

– Петро я, – сказал парень.

– А откуда?

– Из Хмельницкого.

– Ага, – Сергеич голосом показал, будто что-то важное понял. – Значит из украинской армии?

Парень кивнул.

– Артиллерист? – осторожно спросил хозяин дома.

Петро отрицательно головой мотнул.

– А вас как зовут? – спросил.

– Меня – Сергей Сергеич, можно просто Сергеич. Так ты, наверное, Петр, а не Петро?

– Нет, я Петро! У меня так в паспорте написано.

– А я в паспорте – Сергій Сергійович, а в жизни – Сергей Сергеич! Вот такая разница!

– Вы, наверное, со своим паспортом не согласны, – предположил Петро.

– С паспортом-то я согласен, а вот с тем, как он меня называет, – нет!

– А я и с паспортом согласен, и с тем, как он меня называет, – усмехнулся гость. Легко усмехнулся, даже обезоруживающе! Хоть автомат теперь на спинке стула висел.

– Может, поэтому ты и согласен, что у тебя имя в паспорте и в жизни совпадает! – произнес Сергеич задумчиво. – Будь у меня так, я б тоже с паспортом не ругался! Так а зачем ты, Петро, ко мне пришел? Может, что надо?

– Ага, – кивнул парень. – Познакомиться захотелось. А то вижу вас уже больше года, а имени не знаю!

– Где ты меня видишь? – удивился Сергеич.

– В бинокле, – парень немного замялся. – Положено за селом наблюдать. Я бы и раньше пришел, но днем опасно, а в темноте вообще-то тоже запрещают, но опасности меньше.

– А какая днем от нас опасность? – удивился хозяин дома.

– От вас лично никакой, а вот от снайперов, которые нам

то нервы портят, то головы, опасности много. Последний раз три дня назад стреляли, от церкви!

– Да не приходит сюда никто! – убежденно заявил Сергеич. – Я бы следы увидел! Я ж дома не сижу!

– Четверо убитых за год и три раненых, – спокойно произнес Петро. Почесал за ухом. Потом как-то неловко положил на столешницу зеленую, вроде как шерстяную шапку-балаклаву.

Сделал Сергеич чаю, гостю непрошеному налил, себе.

– А что там у вас, на Украине? – спросил. – Сала всем хватает?

– Всем, – парень не смог сдержать улыбку. – Мне тоже перепадает. Волонтеры подвозят. А в стране – как всегда! То воруют, то улицы и города переименовывают. Но говорят, после войны лучше станет! За границу будем без разрешения ездить.

– Ну это те, кто живыми останутся, – скривил Сергеич губы, но тут же спохватился – вышло так, что он вроде как кому-то смерти желает. Решил тему поменять. – А переименовывают что?

– А вы что, не в курсе? – Петро широко открыл глаза, его крепкие зубы обнажила улыбка. – Ах да! У вас же электрики нет! Значит, без телевизора!

– Электрики давно нет, это да, – грустно закивал хозяин дома. – Может, починят?

– Сейчас вряд ли. Опасно. Да и для вас же лучше телеви-

зор не смотреть – нервы сохраните!

– А у меня нервы железные, не испортятся! – похвастался Сергеич. – Я инспектором по безопасности труда на шахтах работал! Ты знаешь, что это такое?

В глазах у парня проявилось уважение.

– А ты сам чем занимался? – полюбопытствовал хозяин дома.

– Туризмом. Хотел в Крым переехать, маленькую гостиницу построить.

– Ну, с этим ты опоздал! – махнул рукой Сергеич. – А я в Крыму ни разу не был. А всегда хотелось на море поехать, на пляже поваляться, загореть... У меня там знакомый есть – на съезде пчеловодов познакомились. Татарин, Ахтем Мустафаев. Тоже пчеловод. В гости звал, а не вышло пока...

– Ну, когда-нибудь выйдет! – попробовал парень утешить Сергеича.

– Может быть, – согласился тот. Вдруг его взгляд помрачнел, словно вспомнил он что-то неприятное. – А чего вы труп с поля не уберете? Он же к вам так близко.

– Какой? В камуфляже? – Петро напрягся.

– Ну да! Может, его уже и снегом накрыло. Я вчера не смотрел.

– Не накрыло. – Парень вздохнул. – Ветер снег унес. Не наш он. А посылать людей за ним опасно. Там на поле под снегом растяжки, да и сам труп могли заминировать. Пускай «сепары» забирают! Их этот парень!

– Они полезут забирать, а вы их из пулеметов? – ехидно спросил хозяин дома.

– Если без оружия и с белой тряпкой полезут, то пусть забирают!

– Во как! Так ведь они говорят, что это не их боец! – произнес Сергеич и тут же пожалел о сказанном.

– А когда это вы с ними разговаривали? – Петро прищурился и взгляд его стал холодным и враждебным.

– Это не я, это Пашка, сосед мой, с Шевченко! Они к нему приходили, вот он и спрашивал.

– Угу, – промычал парень, словно выводы сделал. – Ну, если не их и не наш, то, значит, из «третьей силы»!

– А что это за «третья сила»? – заинтересовался пчеловод.

– А кто его знает! У нас говорят, что это кто-то анонимно с нами против них воюет. А у них говорят наоборот: с ними против нас. Может, это какой-то спецназ, что и против них, и против нас. Поэтому у нас радуются, когда они там кого-то завалят, а у них трубят, когда вдруг в нашем тылу в наш же БМП кто-то из гранатомета выстрелит...

– Может, тебе меду с собой? – предложил Сергеич солдату.

– Да я еще не ухожу, – Петро напряженно улыбнулся. – Меда не надо. Разве что тут, к чаю.

– Да-да, конечно! – засуетился Сергеич, наклонился, достал с пола литровую банку.

Опять наступило молчание, но нарушать его Сергеичу

больше не хотелось. Правда, через несколько минут он снова переименованием улиц заинтересовался.

– На что переименовывают? – спросил почти шепотом.

– Ну, если улица Маркса или Ленина, то на Бандеру или какого-нибудь писателя, – сказал солдат.

– На писателя лучше, – высказал мысль Сергеич. – Мы вот, кстати, сейчас на улице Ленина сидим.

– Когда война кончится – переименуют обязательно, – твердо заявил парень.

– А если я сам захочу новое название выбрать?

– Можно, только надо с остальными жителями улицы вместе решить. А потом в местный совет обратиться.

– Это не скоро, – хмыкнул Сергеич. – Ой не скоро!

– Ну, я все-таки пойду, – Петро снял со спинки стула автомат, на плечо повесил. Лево́й рукой шапку-балаклаву со стола забрал, а правой в карман теплой камуфляжной куртки полез и вытащил оттуда гранату РГД-5. Опустил ее рядом с чашкой.

– Это вам, – сказал, уважительно на хозяина дома глянув. – Неудобно как-то в чужой дом без подарка! С пустыми руками...

– Так а... – впал в недоумение Сергеич. – На что она мне?

– Для самообороны. Не понадобится – после войны в огороде закопаете! Да, если хотите, могу вам мобильник зарядить! У нас генератор мощный, даже стиральную машину тянет!

Сергеич растерялся поначалу, но только на мгновение. Вытащил из ящика серванта мобильник с зарядкой. Протянул Петру.

Поднялся солдат, сунул провод и телефон в карман куртки. Еще стоя, не отходя от стола, меда напоследок из банки зачерпнул ложкой и в рот ее отправил. Облизал жадно.

– Если помощь нужна будет – белую тряпку на ветку дерева в саду привяжите! Чтоб видно было! – сказал хозяину и ушел в темноту.

– Белую тряпку? – повторил шепотом пчеловод.

Запер дверь. Из трех свечей две потушил. Удивился, что настроение странным образом из-за неожиданного общения с военным человеком улучшилось. Словно развлекли его интересной телепередачей!

«Добрый парень, – подумал он, глядя на гранату. – Надо было его больше про новости расспросить».

Поутру у Сергеича голова гудела знаменито. По лицу можно было подумать, что болят у него все внутренние органы хором, сообща. Он уже и воды холодной из чайника выпил, и ложку сахара во рту держал, пока тот не растаял. Не помогало. Злой его взгляд то и дело к столу возвращался, где со вчерашней полночи открытая бутылка «казенки» стояла и рюмка рядом. Черт его дернул отметить приход незваного военного гостя! С другой стороны, хорошо, что отмечать он стал уже после того, как гость в ночь ушел. Ну не в ночь, так в темень. Ведь если б и гость выпил, то кто его знает – добрался бы он обратно в свой блиндаж или нет? А голова продолжала гудеть так, что застонал Сергеич. Больно ему было и обидно! Сколько он там выпил? От силы рюмок пять, не больше! А значит, не он в своем ужасном самочувствии виноват! Это «казенка» виновата – паленой оказалась! Он ее еще до войны в сельмаге купил! И что теперь делать? Лекарств нет! Врачей никаких! Только пчелиные! Сельмаг давно закрыт! Даже продавщицу не обматюкаешь за то, что яд продает!

Полез Сергеич в сервант, достал коробку с «пчелиными» лекарствами. Открыл маленькую баночку с утрамбованной пергой. Отковырял ложечкой перги, бросил в чашку. Добавил воды из чайника и ложку меда из банки. Размешивал, по-

ка жидкость однородной не стала. Выпил медленными глотками.

Показалось, что помогает. То ли шум в голове тише стал, то ли мысли у Сергеича выровнялись, понятнее зазвучали. И первая мысль сразу напугала: «А граната-то где?»

Снова, только теперь не раздраженно, а испуганно посмотрел он на стол. Нет солдатского подарка!

Повыдвигал ящики серванта – и там нет! Стал по комнате нервно топтаться, заглядывать под подушку, в углы. Даже в ведра с углем заглянул! И понял, что ночью во двор выходил!

Обулся. Выглянул на мороз – светло еще было, половина второго. Снег на дворе истоптан. Следы и к сараю-зимовнику пчелиному идут, и к сараю-гаражу, и даже к калитке, что на улицу выводит!

Пока ходил по своим следам, в сараи заглядывал, головная боль улеглась.

«Найдется! Не мог я ее далеко засунуть!» – подумал Сергеич, разрешая себе таким образом в дом вернуться.

Но в доме новое беспокойство его охватило. Стоящий на подоконнике бинокль о мертвце, что на поле лежит, напомнил.

– Надо его убрать! – решил Сергеич и удивительную смелость в своей груди ощутил.

Прихватив из дому бинокль, вышел на край огорода. Окуляры к глазам поднес. Лежит мертвый в той же позе, затылком к Малой Староградовке, к нему, к Сергеичу, повернув-

шись.

Присел Сергеич за стол. Записку настрочил:

«Пашка! Я к трупу полезу, может, прикопаю чуток. Если убьют, заberi меня с поля сразу. Похоронишь возле родителей. И тогда все, что в доме есть, – твое будет! Прощай!»

Минут через десять, пригнувшись, спешил Сергей Сергеич по белому полю вниз. Правая рука, рукавицей утепленная, саперную лопатку держала. Чем ниже он по полю снежному спускался к излому земли, за которым уже другое, но такое же поле, вверх поднималось, тем страшнее ему становилось. Достигнув заснеженного излома – вот куда свежий снег с его огорода «скатился», – посмотрел он в небо. Опустилось оно так низко, что его можно было принять за потолок темного школьного спортзала. Темень вечерняя упиралась в белый снег, делая его серым. Серый цвет Сергеич с детства любил. Но сейчас он не радовал. Пчеловод вдруг подумал о том, что одежда на нем темная, и на снегу – будь сейчас день или утро – он такое же жирное видимое пятно для любого снайпера, как и тот убитый, к которому он ползет.

Дальше Сергеич по-пластунски пополз, только иногда коленями в снежную корку упираясь, чтобы тело уставшее быстрее вперед просунуть.

Возле мертвеца сел. Отдышался. Обернулся на пересеченное поле. Уходило оно куда-то во мрак. Даже ближних деревьев своего сада рассмотреть пчеловод не смог.

Улегся на бок лицом к затылку убитого, рукавицы снял и ощупал-проверил все карманы мерзлого камуфляжа. Даже во внутренние залез и в карманы штанов тоже. Везде пусто. Ни документов, ни телефона. Ничего. Перегнулся над мертвецом, заметил на белом ухе, что к небу прислушивалось, маленькую золотую сережку. «Модник!» – фыркнул Сергеич, а взгляд его тем временем уже на мертвой руке, что за дуло автомат держала, остановился. Правда, автомат весь, кроме дула, под снежной коркой лежал. И еще что-то рядом с автоматом снежную корку вверх в на сантиметров двадцать бугрило.

«Сумка, что ли?» – заинтересовался Сергеич, перелез через труп, лопаткой бугор разгреб и бок рюкзака голубого, совсем не военного, увидел. Ухватился за лямку, потянул на себя.

С хрустом, преодолевая напрягшейся рукой сопротивление, вырвал он из снежного плена рюкзак и понял, что весу в нем килограммов пять или шесть! Внутрь заглянул. А там пакеты с конфетами разными. «Красный мак» Сергеич сразу по обертке узнал – такие и у них в сельмаге продавались. Сунул руку вглубь, чтобы до дна рюкзак достать. Конфеты – как лед! А кроме них – ничего!

«Сладкое, что ли, любил?» – подумал Сергеич.

Оглянулся на убитого. Представил себе, как он тут шел или полз. Явно к посадке спешил. Значит, с левого боку где-то и рана должна быть. Так ведь и лежит он левым боком

вверх?! Присмотрелся Сергеич к убитому, но смертельной раны не обнаружил.

«Значит в правый пуля попала», – подумал он, и в сторону Малой Староградовки посмотрел, сообразив, откуда стрелять могли.

Натянув рукавицы на замерзшие руки, попробовал копать лопаткой снег, а наст крепкий, да и снега под ним почти нет – только земля мерзлая. Понял пчеловод, что ни снегом, ни землей прикопать убитого не получится. Провел он лопаткой, как ножом, по насту. Вырезал квадрат затвердевшей снежной корки. Взял в руки. Тяжелой корка оказалась. Принялся Сергеич куски наста вырезать вокруг убитого и труп ими закрывать, закладывать. Хлипкая поначалу конструкция, с которой то и дело какие-то куски соскальзывали, постепенно становилась прочнее и надежнее.

– Ну, хватит! – остановил себя уставший пчеловод, оглядываясь и оценивая проделанную работу: корки снежной он метров пятнадцать-двадцать срезал. А значит, вся эта тяжесть теперь на покойника давила. Давила, но и защищала его и от постороннего взгляда, и от голодных воронов, которые, должно быть, только из-за холодов еще сюда не добрались и глаза ему не выклевали!

Дополз Сергеич до излома. И тяжесть в ногах ощутил. Промерзли штаны насквозь. Да и ноги от холода немели. Ползти назад тяжелей было, в одной руке лопатка, в другой – рюкзак. Одышка мучила, кашель прорывался.

Когда, передохнув в изломе, к огороду своему добрался, левую голень судорога свела. И дальше, по своей собственной земле, полз он к саду и дому, как раненый. Только у калитки, что из двора в сад выводила, поднялся на ноги.

Распахнул незапертую дверь. Он ее незапертой для своего врага-приятеля оставил. Ведь как бы иначе Пашка записку прочитал, если б хозяина дома убили?

Стащил с треском промерзшую куртку. И брюки стащил. Как разделся, стало ему холодно. Засыпал он в буржуйку полведра угля. Туда же записку для Пашки бросил. Оделся в сухое. Два стула спинками к печке поставил. На спинку одного куртку повесил сушиться, на спинку другого – брюки. А ботинки прямо перед дверцей буржуйки поставил.

«Выпить бы сейчас для сугреву?» – подумал. Но доставать медовую настойку не захотел, а «казенка» ему уже урок преподнесла. Теперь ею можно было только для натирания пользоваться, но никак не внутрь! Разве что, если Пашка херню какую сделает, то угостить его в наказание!

Весь оставшийся день отлеживался Сергеич, прислушиваясь к себе, как к родному прихворавшему ребеночку. И кашель свой собственный как чужой прослушивал, будто разделился он временно надвое: на себя-больного и себя-врачевателя. Так уже не раз бывало. Так вообще с каждым происходит, кто один, сам по себе живет! Он же тогда и поваром, и едоком становится. И уборщиком, и тем, кто чистоте радуется.

Правда, чтобы отлежаться, пришлось ему, «изломанному» вчерашним ползаньем по морозу под украинские позиции, угля в дом на весь день занести да и водой из колодца впрок запастись.

Вот и приготовился Сергеич, как человек, никогда на постороннюю помощь не рассчитывающий, к отлеживанию основательно и ответственно. Ведь отвечал он за свое здоровье не только перед собой лично, но и перед пчелами! Случись что с ним, погибнут они во всем своем множестве, а становиться, пусть даже и не по собственной воле, губителем сотен тысяч пчелиных душ Сергеичу было никак нельзя. Такой грех, такая тяжесть настигнут его и после смерти там, где бы он вслед за своим последним вдохом ни оказался! Настигнут и все равно покоя не дадут: заставят умереть еще и еще раз, за каждую умершую по его вине пчелу, и не важно: трутень

это был или пчеломатка! Все равно! И будет он, уже мертвый, умирать и умирать бесконечно, пока не окажется на такой адской глубине смерти, ниже которой никому опуститься не удавалось!

В общем, лежал Сергеич до обеденного времени в тепле и сомнениях. А потом тепло сомнения победило, и уже отходило от вчерашнего мороза тело его, согревалось, набиралось новых сил, восполнявших силы вчера потраченные.

Иногда окунался он в дрему, иногда проваливался в сон. Просыпался и снова глаза закрывал. В какой-то момент так жарко ему во сне стало, что приснилось, будто они вдвоем с Виталиной под одеялом лежат. И ее горячее тело Сергеича, уже почти проснувшегося, перегревает и на любовь настраивает. И вот во сне настроился он на любовь и даже на бок, лицом к жене повернулся. Обнять ее захотел да прижаться. Руку к ней протянул и снова проснулся. И тут то ли во сне, то ли на самом деле слезы на его закрытых глазах выступили. Может, от боли воспоминаний, может, от жалости к себе, которая только так во сне и могла проявиться. За пределами сна, в своей явной жизни повода жалеть себя он не видел. Все у него было в порядке и под контролем. Ну если и не все, то почти все!

А в другой раз, уже во время послеобеденное, после того, как чаю с медом выпил и снова лег, приснилось ему, что он на ульях спит. На шести своих ульях, в лежанку составленных.

И во время сна показалось ему, что не один на один он со своими пчелами! Показалось, что рядом кто-то еще есть. Он во сне глаза открыл, голову приподнял. А вокруг красота! Деревья зеленые ветвями с солнцем играют, над головой антоновки висят налитые. Глянул в другую сторону, а там на раскладном рыбацком кресле бывший их губернатор сидит и книжку читает, и посмеивается, будто сама книжка его смешит. Заметил губернатор, что пчеловод глаза открыл. Оторвал взгляд от книги. Кивнул приветливо. Понял тогда Сергеич, что гость тоже хочет на пчелах полежать. Поднялся, тонкий матрац поправил. Двух охранников губернатора чуть в сторонке под сливой заприметил. Стоят себе молча, в спину хозяину смотрят.

– Ой, извините, – заговорил Сергеич во сне важному гостю. – Я и не услышал, как вы подошли!

– Да чего там? – пожал плечами гость, и улыбка тяжелая-тяжелая, почти в килограмм веса, на большом его лице появилась. – Можешь еще полежать, если хочешь!

– Нет, что вы! – засуетился Сергеич. – Я сейчас, в дом за простынкой чистой!

Сонный, слушая в голове еще жужжание пчел, словно на магнитную пленку записанное, в дом сбегал.

Губернатор свои туфли удивительные снял и аккуратно носками острыми перламутровыми возле ступеньки-табуретки на травке поставил. Уселся осторожно на средний улей. Развернулся, ноги на лежанку забрасывая. На спину

улегся. Перед тем как глаза закрыть, усмехнулся, заметив, что пчеловод снова в изумлении на его туфли пялится.

Может из-за того, что сон этот особенно летним и теплым оказался, задержался в нем Сергеич на дольше, чем в других снах. Даже дольше пробыл он в этом сне, чем в том, в котором жаркая жена Виталина рядом под одеялом лежала.

А к вечеру, когда голод его с кровати поднял, ощутил Сергеич себя заново собранным и смазанным, как отремонтированный на совесть механизм. И даже вермишель без масла и разнообразия, а только с солью, съел он с аппетитом и почти с удовольствием. Радовался он, конечно, не столько вкусу еды, сколько вернувшейся в тело бодрости и особенно тому, как легко ему жевалось. Ведь в чем нездоровье прежде всего проявляется? В том, что человеку челюстями работать не хочется! Теперь же, после сна, хотелось Сергеичу всего: и есть, и чай пить, и еще пару ведер угля на ночь со двора принести. Но уголь в ведрах еще не закончился. А слишком много угля в комнате – тоже не очень хорошая штука, ведь каждая вещь со своей пылью приходит! А угольная пыль – одна из самых вредных. Это ж она Сергеича инвалидом сделала. Но это так, по медицинским бумагам и по документам пенсионного фонда. А бумаги медицинские ему докторша из поликлиники шахтоуправления выписала. Он ей трехлитровку меда в подарок принес. Она улыбнулась тогда, сказала «ну и ладно!» и сделала его хронически больным. А был ли он таким больным? Бог его знает! Да, кашель иногда до

слез в глазах его мучил, а иногда исчезал на месяц-другой. Вот и сейчас угольная пыль, поднимавшаяся при пересыпании топлива в буржуйку, Сергеичу не докучала.

Наутро, после кружки горячего чая, с Пашкиным биноклем в руках вышел Сергеич бодро на край огорода. Поводил биноклем по зимнему полю. Все бело, только белизна местами разная. Да и полосы продавленные на снежной корке заметил – его собственный след. Но даже по собственному следу не смог он глазами схороненного под снежными корками мертвеца отыскать.

Теперь уже успокоился Сергеич так, как человек, потерявший причину для долгого беспокойства. Ну, наверное, так успокаивается муж, что за смертельно больной женой год или два ухаживал и, наконец, похоронил ее, отмучившуюся и его отмучившую.

На небе тусклое солнце светило, словно сквозь тонкую пленку верхнего мороженого воздуха, сквозь ту полупрозрачную серость, что обычно зимой на небе голубизну от глаз человеческих прячет.

Прошел Сергеич через двор мимо сарая-гаража и пчелиного сарая-зимовника. И мимо дома прошел да через калитку на свою улицу выбрался. На улицу Ленина. Посмотрел в сторону церкви и кладбища. Раньше бы его взгляд в купол церкви уперся. А потом, по мере приближения, поднималась бы церковь перед идущим к ней своими деревянными стенами, в божественный синий цвет окрашенными. Но «рань-

ше» – это не «теперь»!

Зашагал он в к церкви, которой больше не было. Зашагал по уличной грунтовке, что когда-то и камнями укрепили, и угольной осыпью ровняли. Не хуже асфальта она летом была. Да и сейчас из-за полного отсутствия дорожного движения не украшала ее привычная зимняя колея из смерзшегося снега. Легко шагалось Сергеичу. Очень легко.

Шел он по улице, как ее хозяин, думая о том, что одна-единственная машина этой половины села у него в гараже стоит и лучших времен ждет. А когда они наступят, эти времена, то по зимней дороге так вот легко не походишь! Тогда придется по обочине, к заборам прижимаясь, идти. А колею «Жигулям» да «Волгам» уступить. Да еще грузовичку с желтым кузовом-фургоном и синей надписью на нем: «Укрпшта», для которого колея узковатой будет, поэтому поедет он по дороге как бы на одну сторону наклонившись.

И вот шел Сергеич по улице, собственные шаги слушая, и неожиданно беспокойство ощутил. Остановился, причину беспокойства понять пытаюсь. Тишина этим утром совершенно мирной была. Даже не верилось. И сейчас, когда ноги слушать ее не мешали, убедился еще раз Сергеич, что никаких, даже самых далеких шумов войны в ней нет. Над головой ворона пролетела и так близко крылья ее хлопнули, что пчеловод голову в плечи на мгновение втянул.

А потом, проводив птицу взглядом, улыбнулся Сергеич и дальше в сторону церкви пошел. Вспомнил зимнее синее

пальто Виталины, вспомнил ее коричневые кожаные сапоги. Вспомнил серый пуховый платок, оренбургский. Платок он ей подарил. Соседка Вера в Россию ездила к сестре и всегда товар для домашней мелкой торговли привозила. И платки оренбургские тоже. Виталина его носила, но только в Малой Староградовке. А когда зимой к себе в Винницу ехала, оставляла его дома! Видно, не были там, в Виннице, оренбургские платки в моде.

Вспомнилось Сергеичу, как в первую их совместную зиму к ней племянник приезжал с семьей – женой и дочерью. И как они, напившись иностранного портвейна, племянником в качестве подарка привезенного, пошли на край огорода с санками и спускались на них по полю до самого нижнего излома земли. Падали, смеялись, перекрикивались. С трудом наверх поднимались, санки за собой тащили. И снова вниз летели. Уклон вроде бы и не крутой, но все при теле, даже дочка племянника – тоже не крошка. И потому санки сначала вниз скользили медленно, но потом скорость набирали такую, что в ушах ветер свистел!

Оглянувшись на ходу Сергеич на дом соседки Веры. Окна целы, дверь поперек толстой доской заколочена. На доске, уже потемневшей от смен погоды, еще видна надпись, самой Верой сделанная. Черной краской: «Хозяева живы».

– Дай Бог, дай Бог! – прошептал пчеловод.

Странно, но такая утвердительная надпись на заколоченном доме радовала Сергеича всякий раз, когда его взгляд на

ней останавливался. В этот раз даже сильнее обычного она его обрадовала. Вызвала улыбку. Наверное, потому, что сначала он о жене своей, Виталине, думал. А чего ж это ему так легко о жене думается и вспоминается, а вот дочка сама по себе в мысли и воспоминания не приходит? Наверное, потому, что маленькой она была, слишком маленькой, чтобы с отцом сблизиться. Четыре года ей было, когда уехали они, его бросив. Может, и сам он виноват в этом? Может, надо было ему улыбаться чаще и реже при виде нарядов Виталины губы кривить? Может, надо было вообще меньше говорить и больше лбыться? Пусть даже если б из-за этого он мог ей глупым показаться. Женщины глупых или тех, кто под дурачка катит, больше любят или легче терпят! Хрен его знает, что в семейной жизни главное: любовь или терпение?

Да если б после роддома не «взорвался» Сергеич, жили бы они, наверное, и сейчас вместе. Втроем. Только где бы они жили? В Виннице у родителей Виталины? Нет, туда бы он не поехал. А здесь бы она не осталась, даже если б и дожили до войны сообща и в согласии. Нет, что случилось, то случилось, и иначе быть не могло.

До взорванной церкви оставалось пройти всего ничего – по четыре двора с каждой стороны улицы: слева тут Крупины, Далидзе, Петренки и Маципуры, а справа – Сергеевы, старик Лефтий, Корзоны и Урцыновы.

Остановился внезапно Сергеич так, словно сама дорога его остановила. Что-то озадачило, отбросило его внимание

в едва удаленное его же шагами прошлое. Обернулся. Вернулся метров на десять назад. И все понял. Перешел он, думая о своем, следы ботинок, которые поперек дороги пунктирную линию провели. Осмотрел их – видно было, что следы эти неоднократно обновлялись в обе стороны. А на дорогу со двора Сергеевых и дальше во двор Крупиных уходили. Отправился Сергеич по следам к Крупиным. Увидел, что дверь с закрывавшими ее двумя досками от рамы оторвана и только прикрыта. Потянул за ручку. Нижняя упавшая доска неприятно для слуха по ледяному бетонному порогу скрипнула. Зашел внутрь – холод покинутого дома дыхнул ему в лицо.

В комнате на столе три литровых банки открытых с замерзшими соленьями, и из одной – с баклажанами в томатах – вилка торчит. Под столом две пустых бутылки из-под водки. Водка не привычная «Немиров» или «Московская», а какая-то «Крутая»! Такую он в жизни не видел. Взял в руки, уставился в этикетку: «Сделано в Ростовской области».

Обе створки шкафа открыты, в серванте ящики выдвинуты.

«Чужой ходил», – понял Сергеич.

Вышел во двор, осмотрелся. Увидел, что следы за дом ведут. Привели они его на самый край огорода. Остановился перед толстым настилом из соломы. Справа по снежной корке гильзы разбросаны. Десятка два.

Вспомнил Сергеич слова солдата о снайпере, который со

стороны церкви стреляет.

Постоял над лежбищем снайпера, вздохнул. Плечами пожал из-за того, что никакая понятная мысль из-за увиденного в голову не пришла. Зато пришло ощущение холода.

«Если эти отсюда по «украам» стреляют, то «укры» рано или поздно пушкой ответят!» – подумал Сергеич.

И представил себе, как летит со стороны Ждановки снаряд и словно раздумывает: куда упасть! И уже в полете в сторону его, Сергеича, двора поворачивает.

Вздрогнул пчеловод из-за страшной игры собственного воображения.

А что, если встретит он сейчас этого снайпера, а тот будет на войну, на свое военное место идти? Что он сделать может? Сказать? Попросить? Приказать? Человеку со снайперской винтовкой что-то говорить-приказывать?

Скривил Сергеич губы. И испугался вдруг, что снайпер этот вот-вот и действительно здесь появится. Нацелит на Сергеича пистолет или автомат, или винтовку свою! А что у него? Граната подаренная? Так ведь и не знает он, куда ее по пьяни засунул! Ничего у Сергеича нет, нечем ему себя защитить!

Совсем неспокойно на душе у пчеловода стало. Выбежал он со двора Крупиных и обратно домой поспешил.

У переулка Мичурина остановился. Отдышался. И именно тут одиночество свое особенно остро и тягостно ощутил. Потому что выбор дороги появился: или прямо домой, или

налево, на Шевченко, к Пашке.

– Нет, – потоптавшись на месте, решил Сергеич. – С пустыми руками нельзя! Занесу-ка я ему бинокль! Мне он уже не нужен!

Подходя к дому, взгляд на потемневшее небо бросил. А на нем тучи сизые, снегом переполненные. Летят куда-то, неслышимым тут внизу ветром подталкиваемые.

12

Сначала на стук кулаком по двери никто не ответил. Тогда приложился Сергеич еще три раза да посильнее.

– Кто там? – раздался наконец знакомый хриплый голос.

– Да кто же? – громко, чтобы за дверью слышно было, крикнул пчеловод. – Я это!

– А! Ты это! – ответил Пашка. – Ну подожди минутку!

И пропал, оставив Сергеича на пороге перед закрытой дверью в недоумении.

Когда дверь распахнулась, в лицо пчеловоду тепло домашнее дыхнуло, а в нем – пары алкогольные.

– Ты, Серый, чего это? – спросил Пашка, пропуская в дом незваного гостя.

«Язык-то заплетается!» – подумал Сергеевич. А вместо ответа протянул хозяину дома бинокль.

– А-а, спасибо! Чаю, наверное хочешь? Или, может, кофе?

– А у тебя есть? – Сергеич обернулся, удивленный.

– У меня много чего есть, – похвастался Пашка.

«Ну и дурень, что об этом просто так говоришь!» – подумал Сергеич. А вслух сказал: – Ну давай кофе, давно кофе пил!

Мелкими шагами, как старик, ушел хозяин дома на кухню и дверь за собой закрыл.

Вызвало это у Сергеича подозрения – чего это дверью от

гостя отгораживаться? Но тут же он улыбнулся, связав закрытую дверь с хвастовством Пашкиным о том, что у него «много чего есть».

И на окно за столом посмотрел. За тюлем на подоконнике увидел ополовиненную бутылку водки и две пустые рюмки. Нахмурился. К столу присмотрелся – на старой льняной скатерти, которую уже раз десять постирать надо было бы, крошки хлебные. Накрыл их широкой ладонью, прижал к столешнице, проверяя: свежие или старые. Вроде старые, высушенные. Колются.

– А что, гости к тебе ходят? – спросил Сергеич, когда дверь на кухню отворилась и вышел из нее хозяин с двумя чашками, над которыми пар поднимался.

– Не! Какие тут гости! – Пашка как дурачок разулыбался, зубы свои неровные показал.

Однако Сергеич его слова мимо ушей пропустил. Перевел взгляд на самодельную печку-голландку под другим окном. Задумался. В печке этой топка была раза в два больше, чем в буржуйке Сергеича. Но служила она только для тепла, еду на этой печке не разогревали и не готовили.

Оглянулся Сергеич на кухонную дверь.

– А где ты чайник кипятишь? – спросил.

– Как где? На кухне! – ответил хозяин, уже усевшись за стол.

Присел и Сергеич напротив Пашки. Придвинул к себе чашку с кофе.

– Так у тебя там, значит, еще одна печка стоит? – спросил, кивнув в сторону кухни, Сергеич.

– А тебе чего? – удивился Пашка. – Ну стоит себе! Тебе мешает?

– Нет, чего она мне мешать будет? – Сергеич пожал плечами. – Я вот все на одной печке делаю: и еду, и тепло в дом! Уголь экономлю.

– Ты на одной, я – на двух! Какая разница! Может, завидуешь? Ты, я вижу, уже на труп свой насмотрелся! – Пашка кивнул на бинокль, который сам же на диван бросил.

– Ага! Я его снегом накрыл.

– Что, ползал туда? – Глаза хозяина дома стали на мгновение круглыми, как пятаки.

– Ага. Что ж мне, каждый день ходить да пялиться на него! А так и мне спокойнее, и ему.

– Ну ты даешь! – Пашка мотнул головой. – Я бы ни в жизнь под пули не полез!

Посмотрел Сергеич в глаза Пашке скептически и ничего на это не сказал. Только вдруг голод ощутил в животе. А потому губы надул недовольно.

– Что-то есть захотелось, – сказал.

Пашка молча баночку с медом с кухни принес – ту самую, что ему Сергеич подарил. А еще принес батон белого хлеба, ложки и нож.

На весу нарезал три ломтя от батона, прямо на скатерть опустил.

Намазал Сергеич меда своего на хлеб Пашкин, откусил. «Интересно, откуда это у него хлеб взялся?» – подумал.

Вернувшись домой, свечу на столе зажег. Сходил во двор за углем. Заглянул на кухню. Потянул на себя дверцу холодильника. Внутри было пусто и темно, а в дверце на дырчатой полочке для яиц лежала высохшая головку чеснока.

Попробовал себя положительными мыслями отвлечь. Заглянул в тумбу кухонную – там в трехлитровых банках, закрытых пластиковыми крышками, хранились и гречка, и вермишель, и пшенка. Черт его знает, насколько всего этого хватит? Да ведь он и ест не так много, так что хватит пока! Сытым он будет. А вот радости эта еда не приносит! Скучная она!

«Яиц бы где взять!» – размечтался Сергеич.

И стало ему тоскливо до внутреннего холода. Понял он, что уже несколько месяцев яиц куриных не ел.

Вспомнил, сколько раньше живности в их селе было. Да и сам он кур держал. А у соседей кроме кур и гусей две козы и корова в хозяйстве имелись! И когда соседи ближние уезжали, куры еще оставались. Он тогда по просьбе соседей кормил их и яйца себе забирал. Корма они тоже ему оставили – два мешка! А потом сосед вернулся – затишье было, не стреляли. Вернулся на «ниве» с прицепом и с клетками. Посадил кур в клетки и увез. Даже не зашел! Корма с треть мешка осталось. А кормить больше некого.

«Вот бы сейчас глазунью, – подумал Сергеич. – Или три

яйца вкрутую...»

Подсыпал угля в буржуйку, чайник сверху поставил.

«Откуда ж это он батон взял? – подумал о Пашке. – А может, у него там кто-то прятался, на кухне? Тот, кто ему батон принес?»

Вспомнил он, как Пашка не сразу его в дом пустил.

«Точно, прятал кого-то! – решил Сергеич. – Того, кто ему и батон, и кофе, и «много чего» принес! Интересно, за какие-такие заслуги?»

Было б в селе электричество, жил бы он сейчас легче и бездумнее, без ненужных переживаний и подозрений! Смотрел бы до сна телевизор. В холодильнике бы кастрюлю с вермишелью готовой держал. А когда бы есть хотел, бросал бы вермишель на сковородку и разбивал бы в нее два яйца!

– Тьфу ты! – выдохнул раздраженно Сергеич. – Дались мне эти яйца!

Но не думать о них у него не получалось. Яйца продолжали его преследовать, как нечто бесценное и одновременно достижимое!

«А чего? – подумал он. – До Светлого три кэмэ, сейчас уже темно, но еще не вечер! Там людей много! И бабка Настасья, которую он знает и у которой кур и живности полный двор! А почему не взять с собой литр меда и не поменять на яйца? Сколько той дороги, тем более, что дорога до Светлого ровная и прямая, с украинских позиций не видная, и от Каруселино за гребнем невысокого холма спрятанная».

Загорелся Сергеич идеей похода в соседнее село, где он с прошлой осени не бывал.

Собрался, обулся-оделся. В сумке – две литровки меда. На руках – рукавицы. Впереди – дорога темная.

Страх – штука невидимая, тонкая и разная. Как вирус или бактерия. Его можно и с воздухом вдохнуть, и с водой или водкой случайно выпить, и через уши, через слух заполучить, и уж точно глазами увидеть можно так ярко, что в глазах его отражение останется даже тогда, когда сам страх уже исчезнет.

Мысли о страхе сами возникли у Сергеича, когда он уже с полкилометра по нетронутой в последние месяцы ни ногами, ни колесами дороге прошел. Она, дорога, лежала ровненькая, как под гигантскую линейку Богом проведенная. Слева посадка – голые клены, липы и абрикосовые деревья вперемежку. Перед ней поле, за ней еще одна грунтовка для сельхозтехники, а дальше снова поле, только уже вверх поднимающееся, туда, к Ждановке. Справа небольшой подъем и по гребню возвышенности – ближний горизонт, до которого рукой подать. Дальше, за горизонтом, поля на километров пять тянутся аж до хутора Заячий. Хутор этот уже в «дэнээрии», только вроде как пустой он стоит. Домов там пять или шесть, не больше. Может, поэтому Светлое и живет себе почти так же, как до войны. Ни сепаратистов поблизости нет, ни армии украинской. Поэтому почти никто и не уехал. Ушло несколько мужиков к донецкой братве, чтобы против Украины воевать. А двое – участковый и директор школы – наоборот,

в украинскую армию записались. Испугались, наверное, что вырежут их ночью за то, что местной властью считались. Теперь там никакой власти нет, но и тихо! Хотя там и раньше тихо было, так что власть тут ни при чем. Ее что есть, что нет, все одно! Просто народ мирный и на себе и своем хозяйстве, а не на политике сосредоточенный.

Откуда-то издалека, с той стороны, куда он шел, только еще дальше, «бахи» артиллерии донеслись. Но такие далекие, что Сергеич даже шаг не замедлил. Он и так не очень-то быстро шел. Под ноги смотрел – глаза к этой серости привыкшие у него. Черное плюс белое дают серое. Вот так и темень да снег сочетаются и дорогу зимнюю вечернюю видимой делают.

Дорога как раз в этом месте чуток вверх поднималась. Села отсюда не видно. Это когда минут пятнадцать пешего ходу останется, тогда и Светлое впереди вынырнет. Впереди и чуть внизу.

И вдруг пропала из-под глаз его дорога. Под ногами осталась, а из-под глаз пропала. Остановился Сергеич, не понимая, что случилось.

Опустился на корточки, потрогал дорогу руками. Понял, что она белой быть перестала. Легла ладонь на край воронки от взрыва, широкой воронки, шире самой дороги.

Поднялся пчеловод на ноги. Стал воронку обходить, да вдруг споткнулся и едва не упал. Оглянулся. Опять на корточки присел. Увидел мину невзорвавшуюся. Рука сама к

ней потянулась и, еще даже не прикоснувшись, ощутил Сергеич сильное излучение холода от лежащего на краю воронки взрывоопасного предмета. И отдернул руку, спрятал ее в карман, туда, где теплее было.

«Может, лучше назад?» – подумал, но ноги уже снова вперед шли. Только теперь внимательнее он на дорогу смотрел. Снова видимой дорога стала. Снежная корка жалобно поскрипывала под подошвами ботинок.

Впереди огоньки села показались.

– Ты посмотри! Ток у них есть! – обрадовался Сергеич. Обрадовался и позавидовал.

Выйдя с дороги на сельскую улицу, с облегчением вздохнул. Теперь только на другой конец села пройти осталось, там баба Настя живет!

Пока шел, лай собак слушал и радовался. У них в Малой Староградовке ни одной живой души не осталось, кроме их двоих с Пашкой. И собак нет, и коты пропали. Мыши да крысы наверняка где-то есть, прячутся, но они ведь сами по себе, как природа. Они что с человеком, что без человека – все равно выживут. Собакам или котам без человека трудно. А козам, свиньям и курам вообще невозможно!

Остановился Сергеич на пороге перед дверью. Постучал три раза.

– Сейчас, сейчас! – услышал знакомый голос.

– Ой, Сереженька! – воскликнула старушка, открыв двери. – Живой!!! Ну заходи, заходи быстрее!

Баба Настя с прошлого года, с осени, не изменилась. Лицо круглое, маленькое. Ростом метр шестьдесят, не больше. Одета так, что не поймешь: мужик или баба. Снизу штаны теплые, сверху короткий сарафан зеленый, а поверх него синяя кофта на больших пуговицах.

Разулся Сергеич. Прошли в комнату.

– Я тебе меду принес, – выложил на трюмо зеркальное Сергеич из сумки две литровых банки. – А у тебя хотел яйцами разжиться. У нас там голодно, в селе...

– Ты посиди пока, отдохни, а я поесть разогрею!

Опустился Сергеич в кресло с лакированными деревянными подлокотниками. Прямо в куртке, посчитав, что рано еще раздеваться. Уселся и от внезапно нахлынувшей на него, словно нагнавшей его в дороге, усталости задремал.

И уже в дреме своей почувствовал, как согревается, как оттаивает от мороза кожа щек, как кончики пальцев словно от укусов пчелиных ноют, а все потому, что осмелевшая от тепла кровь ринулась с новой силой по сосудам и венам, восстанавливая нарушенное холодом отопление тела.

Только-только дрема в сон дрожащий, легкий перешла, услышал он во сне голос Виталины. «Иди обедать!» – звала она его из кухни. В кухне уютнее, особенно весной или летом. Окно из кухни в сад смотрит, а не на бурую, покрытую угольными пятнами землю двора.

Зашел он во сне в кухню – ну точно так, как входил не раз по ее зову, когда жили они вместе. В воздухе аромат борща,

сильный и сочный.

«Ну, оцени!» – предложила Виталина, кивая на столик, где миска борща красного стояла, а на его поверхности – как он несколько раз требовал, просил, но не получал, а тут получил! – плавали несколько пельмешков. Сваренные, потом обжаренные на сковороде в подсолнечном масле до корочки хрустящей, а потом в борщ кинутые.

Сел он во сне за стол так же легко и самодовольно, как в жизни садился. Посмотрел одобрительно на беременный живот Виталины. Месяца еще полтора оставалось до рождения дочери. Вернул взгляд на пельмешки. Съел их один за другим. Потом уже за сам борщ принялся.

«Так ты подумала? Согласна?» – спросил он с набитым ртом.

«Нет, не согласна! Пусть будет Анжелика! – твердо заявила она. – Мне твои Светы и Маши не нравятся! Скучные имена, как у кондукторов в трамвае!»

«У нас нет ни трамваев, ни кондукторов! – начал сердиться во сне Сергеич так, как раньше наяву сердился. – Может, у вас там в Виннице такие имена простушкам дают, а у нас тут по-другому принято. А назовешь Анжеликой – засмеют, задразнят!»

«Задразнят – тогда уедем отсюда!» – отрезала Виталина и унесла свой живот в комнату, где диван и кровать, и стол большой.

Доедал он борщ без энтузиазма.

«Ничего, – думал, – без меня они ее не зарегистрируют!»

И вдруг, когда во сне борщ в тарелке кончился, снова яркий аромат борща рядом с его носом зазвучал. Открыл глаза, увидел, как баба Настасья кастрюлю мимо него к столу пронесла.

– Ты садись уже! Налила я тебе! – голос ее старческий, но сладкий, прозвучал.

Страхнул Сергеич с себя сон, на ноги встал. Куртку сбросил и на кресле оставил. За стол уселся. Борща густого миска перед ним. Только пельмешков нет. Но ведь он и не ждал их. Это так, прихоть у него была, в которой он хотел прошлое с настоящим соединить. С детства он пельмени очень любил, а борщ полюбил после свадьбы. А теперь уже все в прошлом лежало, в памяти да в фотографиях. Память – она дряхлеет, а вот фотографии остаются. И лежат себе в выпускном, дембельском, свадебном альбомах. Лежат себе в шкафу и каши не просят.

Жадный взгляд его от борща вверх поднялся, на потолок. На лампочку. Облизнулся Сергеич. Старушка подумала, что на борщ, а самому гостю не сразу и понятно стало: на что это он облизнулся? Захватил ложку борща. Борщ горячий. В глазах слезы выступили.

– Ты чего? – испугалась баба Настя. – Может, с женой твоей что?

– Нет, – Сергеич головой мотнул. Тыльной стороной ладони слезы утер и вторую ложку борща в рот отправил.

– Хорошо вы живете! – выдавил из себя. – А у нас уже три года света нет.

– Что, так и не починили? – всплеснула маленькими ладошками старушка.

– Не починили, – подтвердил Сергеич и вздохнул. – Сказали, что оно того не стоит! Двое нас там осталось. Да и еще на разных улицах живем. Вот если б хотя бы с десятков людей вернулся!

– Но у вас больно близко к пушкам! У нас-то что до русских километров восемь, что до украинцев километров пять. Мы почти посередке. Вон там дальше, возле Гнутовки, где земля наша серая снова сходится, там всего-ничего от одних до других. Там что ни день, то бах да бах.

– Да не так у нас и близко к пушкам! – не согласился Сергеич. – За три года только в церковь и попали. Ну еще в пару хозяйств, в контору колхозную. А дома почти все целые стоят. Баптисты иногда приезжают, помощь возят! Жаль, что нельзя через них пенсию получать! Так и сижу без денег... Хотя что с ними делать, если привезут? Хрен его знает! А у вас как с пенсией?

– Хорошо у нас, – закивала баба Настя. – Степа, сын почтальонши, ну, знаешь, у которого одна нога короче, у них кум в Торецке. Он у нас карточки с этими «пенькодами» собирает, куму передает, а тот денежку у себя в Торецке из банкоматов снимает, а потом каждый в заклеенном конверте пенсию вместе с карточкой назад получает. Ну, конечно, не

всю, это ж труд, надо оплачивать.

– А что, с моей он тоже может снять? – оживился Сергеич.

– А ты переоформляться ездил?

– Куда?

– Ну в Украину? Чтоб отметили, что ты в серой зоне остался?

– Нет.

– Сначала переоформиться надо. Без этого не дадут.

Сергеич вздохнул тяжело. Помолчал.

– Ну она ж не пропадет, – сказал негромко, сам себя успокаивая.

Поднял взгляд на хозяйку. Про цель своего прихода вспомнил.

– Ты бы мне яиц... – начал было просьбу высказывать Сергеич, но стук в двери оборвал его.

Оба они на стук оглянулись. Пошла старушка открывать.

– Ты спроси, кто это! – крикнул ей в спину гость.

Но она просто отомкнула двери, и тут же в теплый воздух дома детские голоса ворвались.

– Бабушка Настя, это не Дед Мороз к тебе по ошибке зашел? – прозвенел голосок мальчишки лет четырех-пяти.

– Нет, что вы! Какой Дед Мороз! – удивилась хозяйка дома. – Серёдка февраля на дворе!

– Так он же в Новый год не пришел! А обещал! – сказала девочка.

– Ну какой тут Дед Мороз?! – отмахнулась баба Настя. –

Да сами посмотрите!

В комнату вместе с бабой Настей зашли двое мальчишек и девчонка, дошкольники.

– Вот, видите! – показала она на Сергеича.

– Ага, – сказал один мальчик. – Не он! Тот моложе был!

– Дед Мороз – и меня моложе? – усмехнулся Сергеич и решил подшутить, посмеяться с ребятней. – Где же вы молодого Деда Мороза видели?

– В декабре он был, – ответила за всех девчонка в розовой куртке размера на два больше, чем надо. – Он нам игрушки привозил и обещал на Новый год конфет!

– Да, молодой был! – поддержал темноглазый мальчик в черном пальто и лыжной шапочке. – У него еще автомат был и сережка в ухе!

– Автомат у Деда Мороза? – разулыбался Сергеич. – Может, он еще и в военной форме приходил?

– Да, в форме! – девочка кивнула. – Во время войны все в военной форме и с автоматом ходят. Он сказал, что у него своих детей двое, но он нам все равно много конфет принесет. От себя и от них в подарок!

Замолчал Сергеич. Как-то не по себе ему стало. Вспомнил он рюкзак с конфетами, который домой с поля притащил. Вспомнил убитого и золотую сережку в его ухе.

– Ну, может, принесет еще, – посмотрел на деток по-другому, как-то ласковее. – Может, через блокпост не пропустили! Мало ли?

Дети, погрузнев, выпятились в коридор. Ушли.

– Я тебе яиц дам! – сказала хозяйка, жалостливо глянув на гостя. – Может, еще чего?

– А что у тебя есть?

– Тушенку волонтеры привозили свиную. Могу пару баночек... Огурцы свои есть соленые. Только ж тебе нести тяжело будет!

– Донесу! – заверил ее Сергеич. – Тропинку я уже протоптал. Назад идти будет легче! Домой все-таки!

«Если съесть по яйцу через день, то хватит этих двадцати яиц от бабы Насти почти на полтора месяца», – думал Сергеич, следя за сковородкой, что на верхнем круге буржуйки вермишель грела.

Зашипела вермишель. Улыбнулся Сергеич. Взял бережно яйцо, ударил ножом, и расколосось оно. Вылил в вермишель. Принялся деревянной ложкой белок, желток и горячую вермишель перемешивать.

Минут через пять при дрожащем огоньке церковной свечи таяла уже она на языке – горячая и вкусная яичная вермишель. А место сковородки на чугунном круге буржуйки чайник занял. За окном темень. В ушах – успокаивающее тиканье будильника.

Это время тикает. Скоро март, скоро зима на попятную пойдет. Лужи, оставшиеся от снега, на солнце заблестят. И полетят первые пчелы на разведку, хотя зелень только-только проклюнется и начнет оплетать собой черную, просыпающуюся от холода землю, чтобы согреть и украсить. Полетят они после зимы недалеко, для зарядки, для того, чтобы ориентиры свои освежить. Но улыи уже на солнце стоять будут и прогреваться начнут, выгоняя изнутри зимнюю сырость.

Наполнится воздух жужжанием сладким и приятным, близким и мирным, которое уменьшает мир человека, любя-

щего пчел, уютным и домашним делает. И тогда уже не так важно, что где-то стреляют, – ко всему привыкнуть можно! Важно, что весна, что природа наполняется жизнью, ее звуками, ее запахами, ее крыльями и крылышками.

А к концу марта, когда пчелы окончательно от зимы отойдут и улья задрожат постоянной, бесконечной живой дрожью, составит Сергеич их кровать: два в ширину, три в длину, накроет тонким матрацом с соломой, оденется потеплее – ночи ведь еще холодные в конце марта, и проспит на ульях несколько ночей подряд. Это ему лучше любого лекарства! Лучше витаминов! Это как особым человеческим электричеством зарядиться. Тем электричеством, которое не лампочки, а взгляд в человеке зажигает, да так зажигает, что он дальше обычного видит.

А за чаем мысли Сергеича к сегодняшнему походу в Светлое вернулись. К детям, которые к бабе Насте ворвались, чтобы проверить: не пришел ли к ней по ошибке тот Дед Мороз с серьгой в ухе, который к ним прийти обещал. Дед Мороз с серьгой в ухе и с конфетами.

Достал Сергеич из рюкзака, что в углу комнаты стоял, пригоршню конфет, на столешницу высыпал. «Красный мак» развернул, в рот сунул и чаем запил. Есть вещи, которые с годами не меняются, и это ему нравилось. Вот и вкус этой конфеты за все годы его жизни не изменился. И обертка такая же. Захотелось еще одну съесть, но тут детишки вспомнились: двое мальчишек и девчонка. «Что ж это, получается,

что я их конфеты ем?» – подумал пчеловод.

И тут его испуг пронял: убитый с серьгой в ухе под снегом лежит и больше ему спать не мешает, но ведь рюкзак его тут! В углу комнаты лежит. И даже если он его на двор вынесет, все равно он «тут» будет. И если б эти конфеты ничейными были, как грибы в лесу, то пускай себе лежат и его к чаю радуют. Но ведь не ничейные они! Ясно теперь было Сергеичу, кому убитый конфеты нес. Нес, да не донес. А теперь выходит, что присвоил их Сергеич, у детей забрал и сам, как дитя, им радуется.

Прошелся Сергеич нервно по комнате. У буржуйки остановился – тут теплее всего было. И чтобы тепла на ночь хватило, высыпал он в нее еще полведра угля. Вдохнул, предчувствуя, что мысли о мертвеце, под снегом лежащем, снова спать не дадут.

И тут охватила его странная дрожь, а вместе с ней упрямство решительное он в себе ощутил. Понял он, что сейчас опять в Светлое пойдет. Пусть за окном темно и холодно, но тропинку он себе протоптал, с нее уже не собьется. Да и пойдет туда налегке – только рюкзак на спине, а в руках пусто!

Оделся-обулся, шапку-ушанку натянул, лапы ее под подбородком на бантик узлом завязал. Церковную свечку, что на столе стояла, пальцами затушил – чего ей зря гореть?

Шел по своим недавним следам. Легко ему шагалось. Словно беду свою прочь, подальше от дома уносил. И чем ближе к Светлому подходил, хоть и не видел еще села с его

горящими окошками, тем светлее и тише на душе становилось. И показалось ему, что идет он по огромной церкви к далекому алтарю. В церкви ведь все на шепот молитвенный или молчание переходят, там только батюшка право громкого голоса имеет. Вот и он на ходу словно бы шепотом мыслит и воображал. В церкви и пахнет приятно, да и придумана она так, чтобы все, что там рождается – и запахи елейные, и шепоты молитвенные, и ощущения соприкосновения с вечностью, которая каждого после жизни земной ждет, – все это там и остается, за толстыми стенами, за воротами железными, под куполами высокими. Это для того, чтобы человек все время туда за этими мгновениями чудными возвращался.

Впереди огоньки Светлого появились. Остановился на мгновение Сергеич. Ощутил вес рюкзака на спине. Потер рукавицами щеки, стирая с них «налипший» за дорогу морозец.

– Ты чего это опять? – удивилась баба Настя, дверь ему открыв. Из-за ее спины знакомый шум донесся. – Забыл что?

– Я это, отдать забыл! – Сергеич посмотрел на хозяйку дома так, словно она должна была его и без слов понять. – К тебе детишки заходили, когда я борщ ел! Это ж соседские?

– Ну да, Валины!

– А ты скажи, где они живут! Я им гостинцы принес!

– Ну ты и дурень, – развела руками баба Настя. – Не мог завтра прийти? Чего тебя назад по темноте понесло?

– Ну я... – попробовал было объяснить Сергеич, да в мыс-

лях потерялся. – Сам не знаю. Хорошо у вас, свет в окнах! Электричество. И вон телевизор у тебя работает! – он узнал, наконец, шум, из-за спины хозяйки дома до его ушей долетавший.

– Так ты что, по телевизору соскучился? Ой, бедняжка, – закачала она горестно головой. Ему даже показалось, что в глазах у старушки слезы сочувствия блеснули. – Это ж ты три года без телевизора! Батюшки! Какая мука-то! Да заходи быстрее, заходи! – заторопила она его.

– Нет, давай сначала я детям конфеты отнесу, а потом уже зайду! – проговорил он мягко.

– Справа по улице второй дом. Там у калитки на заборе деревянная звезда прибита – у них дед в войну с фашистами погиб. Она раньше красной была, а теперь серая, как забор.

Прошел Сергеич по правой стороне улицу до деревянной звезды у калитки. Во двор вошел. В двери стукнул.

– Кто там? – женский голос изнутри дома отозвался.

– Это Сергеич, из Малой Староградовки. Подарок детишкам принес!

Впустила его женщина Валя, а когда он разуваться в коридоре начал, остановила. Прямо в комнату провела. Там шумно-громко. Тоже телевизор включен и на экране кто-то с кем-то ругается. Но как-то звонко очень, почти весело.

Замер Сергеич, взглядом к экрану прильнув. В руках рюкзак, с дивана на него мальчишки в теплых байковых пижамах и девчонка в синих колготках и кофте зеленой смотрят

удивленно. Он им интереснее телевизора показался.

– Че это они там? – отмер наконец Сергеич и, кивнув на телевизор, у хозяйки спросил.

– Да это Москва! Про Украину спорят! – спокойно ответила она. – Так что там у вас для детишек?

– А! – очнулся Сергеич. – Вот вам, от Деда Мороза! С опозданием...

Протянул рюкзак женщине. Она его к столу, укрытому белой кружевной скатертью, поднесла. Пакеты с конфетами достала. Детишки подбежали.

– Это от того Деда Мороза, у которого сережка в ухе? – девчонка спросила.

– Ага, от него, – кивнул Сергеич. – Он извинялся. Сам не смог. Приболел.

– Лучше позже, чем никогда! – проговорила женщина Валья.

Протянула гостью пустой рюкзак.

– Не надо, оставьте! Может, пригодится!

– Так, а что надо сказать за подарки? – оглянулась она на детишек.

– Спасибо! Спасибо! Спасибо ему передайте! – наперебой затараторили детишки в три голоса.

– Передам, передам, когда увижу, – ответил Сергеич. – Ну, пойду я! Пора мне!

– Что, назад в Малую Староградовку пойдете? – Голос хозяйки ее внезапное волнение выдал. – Ой, как же вы там жи-

вете? Ни магазина, ни почты... Нет, нельзя так! Вы подождите! Я быстро!

Выскочила она во двор. Вернулась минут через пять, в руках – рюкзак чем-то набитый. Протянула его гостю.

– Осторожнее! – предупредила. – Там трехлитровка с салом!

Сергеич изумленно улыбнулся. Не ожидал он такой доброты от незнакомой женщины.

Вернулся к бабе Насте.

Уселись они вдвоем перед телевизором. На экране за столом три человека в галстуках.

– А чего ж она до сих пор не развалилась? – спросил один телечеловек у двух других.

– Так ведь их теперь полностью Америка и Европа содержат. Отбирают деньги у своих бедных и нищих и украинцам отдают! – принялся отвечать другой. – А когда их бедные и нищие поймут, что происходит, то они и в Америке, и в Европе против своих политиков майданы устроят!

– Ну тут я с вами не согласен, – вступил в беседу третий телечеловек. – Не все так однозначно с Америкой и Европой. Для них Украина – только инструмент. Инструмент, которым они хотят Россию с политической карты мира скovyрнуть.

– Ты это понимаешь? То, что они говорят? – перевел Сергеич взгляд с телеэкрана на бабу Настю.

– Ну все – не все, а понимаю! Это ж российское телевиде-

ние, а не эти из Киева!

– А эти у тебя ловятся?

– Сейчас да, а два года не ловились! – ответила хозяйка дома.

Взяла в руки пульт. Перещелкнула телеканал.

На экране появилась женщина с лицом, залитым зеленой.

– Я буду подавать в суд! – говорила она журналистке, держащей микрофон у ее рта, тоже частично зеленой подкрашенного. – Я депутат и имею право на свое мнение!

– Так это ж эта! – узнал Сергеич даму в зеленке. – Это ж наша! Как ее? Королевская!

– Вот видишь! У них хоть по телевизору такое не показывают! – мотнула огорченно головой баба Настя. – У них культурно за столом сидят! Говорят грамотно! Может, переночуешь уже? Чего на ночь глядя идти?

– Нет, спасибо! – Сергеич по-своему понял предложение бабы Насти. Подумал, что спать она хочет, но в его присутствии ложиться не будет.

Попрощался с хозяйкой дома тепло. Обнял старушку по-родственному. Чуть случайно ее к себе в гости не позвал, да вовремя язык свой неразумный остановил.

Ноша в рюкзаке разгибала позвоночник тяжестью, но Сергеич упрямо на ходу вперед наклонялся, равновесие в ходьбе выискивая. Где-то далеко за спиной, за Светлым, тарахтела артиллерийская канонада. «Это, наверное, там, где Гнутов-

ка», – подумал пчеловод и шагу прибавил.

За окном февральское солнце неожиданно разыгралось так, будто после долгого плена свободу почувствовало. Это Сергеич понял, как только глаза открыл. Тишина в доме неправильной и излишней показалась. Прислушался он, дыхание затаив. И понял причину своего беспокойства – взгляд его на молчавший будильник ушел, что на подоконнике стоял. Тот не тикал, стрелки на половине одиннадцатого замерли. Стало быть, заспался Сергеич. А вот на сколько заспался, понять не мог. Даже не ясно было ему, какие пол-одиннадцатого тот показывает: вчерашние вечерние или сегодняшние?

Не вставая с кровати – куда спешить-то? – стал Сергеич вчерашний день вспоминать. Это ж сколько он натопал? Двенадцать километров, что ли?

Хмыкнул горделиво. Полежав еще немного, поднялся на ноги. Ладонь к боку буржуйки приложил. Едва теплой она оказалась. Добавил в топку угля. Оглянулся на замерший будильник.

– Схожу-ка к Пашке, время поставлю! – решил.

На дворе солнечной желтизны еще больше оказалось. И снег, истоптанный ботинками, пожелтел, и серые стены сараев, и забор!

И не то чтобы Сергеичу это не понравилось! Наоборот! Однако одновременно посчитал он неожиданную игривость

солнца хоть и приятным, однако все же нарушением ежедневной привычности. И отправил он светилу мысленное замечание, будто могло оно подобно человеку что-то «неправильное» в своем поведении осознать.

Где-то далеко-далеко ухали пушки. Слышно их было Сергеичу только, если он хотел их услышать. А лишь к мыслям своим вернулся, на переулочек Мичурина сворачивая, так и пропало их уханье, растворилось в тишине без следа.

Правая нога вдруг в колене заныла, когда во двор к Пашке зашел он. Последние шаги до порога выражение лица его изменили: скривились его губы от боли.

Стукнул кулаком по двери. Оттуда – тишина. Вспомнил, как и прошлый раз пришлось ему минуту или две ждать, пока хозяин откроет.

Однако тот раз он почти сразу появился за дверью. А потом отошел, так и не открыв поначалу. А теперь даже не спрашивает, кто там.

Ударил Сергеич по двери нетерпеливо еще три раза. Опять никакого ответа.

За ручку потянул – закрыта дверь, и закрыта на врезной замок, а не на крючок или щеколду изнутри.

– Ушел? – удивился Сергеич.

Оглянулся. Куда тут идти? Разве что по улице прогуляться?

Вышел, прихрамывая, за калитку. В обе стороны посмотрел – тишь и безлюдие.

«А может... – закралась в голову таинственная мысль. – Может, он...»

И хоть мысль не договорила, понял Сергеич, к чему она клонит. Вернулся во двор, прошел за дом, вышел в сад и увидел перед собой в снегу тропинку протоптанную, ведущую через сад в огород. Отправился он по ней дальше. Остановился на краю огорода, переходившего в поле, что чуток опускалось, а потом вверх поднималось к Каруселино, туда, где «Донецкая республика» свою оборону держит.

«Вот откуда он хлеб носит! – понял Сергеич и хмыкнул. – И ведь не боится, дурень, что у какого-нибудь снайпера может глаз заслезиться или палец на крючке зачесаться?»

И тут другая, пострашнее догадка уколола его в мысли!

«А может, он и есть тот снайпер? – вспомнилась Сергеичу лежбище из соломы и гильзы в его изголовье на снегу. – Поэтому и не боится! Они ж по своим не стреляют!»

Холодно стало ему на краю огорода Пашкиного стоять. Показалось, что оттуда, от Каруселино, морозный ветер дует.

Вернулся Сергеич к Пашкиному дому. Правое колено все ныло. И в боку правом что-то покалывать стало.

Поднес он руку к правому боку и усмехнулся – там в кармане будильник лежит, он вот железным задним пупырышком для перевода стрелок и покалывает!

Вспомнил Сергеич Пашкины настенные часы с гирьками. Хорошо ему, ничего накручивать не надо, просто подтянул гирьку вверх под коробку, и ходят они себе дальше, послуш-

но и отлаженно.

Подкатил пасечник пенек для раскалывания дров под стенку к окну, взобрался на него и внутрь заглянул. Часы как раз на стене справа оказались. Из-за ярко светящего солнца внутри дома темновато было, но время на часах он смог разглядеть – без пятнадцати час. Достал будильник, выставил стрелки по-новому и завел. После чего тикающий будильник назад в карман сунул, пенек на место откатил и потопал, прихрамывая, обратно.

Восстановленное время навело порядок в голове пасечника, все мысли его успокоило, кроме одной: о том, что сам Пашка и может тем самым снайпером оказаться, который по украинским позициям из их села стреляет. И мысль эта, как он от нее не отмахивался, а звучала все достовернее и достовернее. Ведь живется Пашке явно лучше, чем Сергеичу, хотя живут они в одинаковых вроде бы условиях и на похожих улицах в одном и том же Богом и людьми из-за войны покинутом селе. Только вот у Пашки две буржуйки в доме и то батон свежий, то сало, то мобильник заряженный! Откуда-то ведь он все это берет? Явно не от баптистов! Ведь если б помощь привозили, то и ему, Сергеичу, доставалось бы! Но еда едой! А вот с электричеством-то как? Электричество, как вермишель или сахар, баптисты не развозят! За электричеством ходить надо! А где ближайшее электричество? В Каруселино, туда, куда со двора Пашкиного через сад, огород и поле тропинка протоптана!

Мысли пасечника вдруг «спрыгнули» с электричества и на его собственный мобильник перескочили, который где-то там, за огородом Сергеича и за полем изломанным у украинских солдат заряжается. Да чего заряжается? Заряжен он давно. Просто случая ждет, чтобы к хозяину вернуться.

Вспомнил Сергеич слова солдата Петра про тряпку на

крайнем дереве в саду, как знак того, что помощь нужна. «А что – если тряпки не вывешу, так и телефон он мой назад не принесет?» – подумал насмешливо.

И тут же сам на свою насмешку мыслями ополчился. Что ж это, Петро должен из-за мобильника под пулями снайпера по полю к нему идти? А если убьют? На чью совесть его смерть ляжет?

Ушла насмешка с губ. Серьезнее и мрачнее лицо стало. Понял пчеловод, что за переход заснеженного поля можно жизнью заплатить! Вон тот, что с серьгой в ухе, он ведь не перешел!

А за окном еще светло, но солнце будто выдохлось. Вроде как напряжение у него упало, как раньше постоянно в селе случалось – то лампочка в люстре вовсю горит, то тухнет вдруг, и только спиралька красная внутри стеклянной колбы светится, что как бы показывает: электричество есть, но слишком мало его, чтобы лампа светом с внутренним домашним миром делилась!

И все же полез Сергеич в шкаф, замер на мгновение, взгляд на «муравьином» платье придержав. Потом другую дверцу открыл да на полках тряпки разные руками перебрал, рассматривая. Нашел белое кухонное полотенце.

Вышел пчеловод из дому. Под ногами снег закрипел. На краю сада остановился он. Отсюда до конца огорода, за которым поле, метров двести будет. Выбрал яблоню. Привязал к ее ветке полотенце белое. Обернулся, посмотрел на гори-

зонт, который из-за схожести цвета поля и неба почти неразличим был.

«Как же он ее оттуда разглядит?» – засомневался.

Отодвинулся на два десятка шагов в сторону поля. Обернулся, посмотрел на повешенное полотенце и вздохнул тяжело: уже с этого расстояния почти терялось оно среди стволов яблонь да абрикос.

«Но ведь сказал, чтоб повесить! – подумал. – Значит, увидит! У них там бинокли военные – они помощнее Пашкиного будут!»

Вернулся Сергеич в дом. Ужин себе простенький приготовил – пшенку сварил.

Пока ел, на будильник все посматривал. Он теперь на почетном месте посередине стола стоял, рядом со свечой. Стоял и тикал успокаивающе. Тиканье его в тишину домашнюю вливалось. Тишина тут – как огромная бутылка с толстыми стеклянными стенками. В нее многое помещается, и если ухо к горлышку поднести, то можно ее на эти чуть-звуки с трудом и старанием, но все-таки разделить.

Но это сейчас, когда февраль на дворе, тишина такая мелкая, как пыль воздушная на солнце! А пройдет еще месяц или даже меньше, и выпустит он в эту тишину пчел целую армию. А если по-военному говорить: оно вроде и само напрашивается, это сравнение, то выпустит он на дико или организованно цветущие поля шесть полков пчелиных. Ведь чем улей не полк? Чем не казарма?

Улыбнулся Сергеич своим мыслям. Окунулся в мечты о близкой весне. А когда отпустили они его, глянул в окно – а там уже сумерки. И свечке на столе все труднее комнату освещать. Темень-то наступает, через окна внутрь дома лезет!

Понял тут Сергеич, что он не просто за столом сидит, а солдата ждет. Тот с заряженным телефоном прийти должен. Досыпал пчеловод угля в буржуйку. На двор вышел. Постоял, голову к звездам задрал. Представил себе, как вот через калитку, что с сада во двор ведет, солдат Петро заходит. Должно быть, уставший. Ведь расстояние между их позициями перед Ждановкой и Малой Староградовкой для пешего хода не близкое. А вот для пули это и не расстояние вовсе – бжик, и прилетела! А если ногами топать, да по полю, по снежной корке, – обязательно устанешь! А тут еще не просто топать надо, а топать и бояться одновременно. Всякое ведь случиться может, когда на виду, по открытой местности идешь!

«А если он сейчас поле переходит, а его уже снайпер тот, что на сене лежит на краю огорода Крупиных, поджидает?» – испугался Сергеич.

И от этой мысли сразу холодно ему стало. Засобирался он и поспешил к церкви, туда, где лежбище снайпера обнаружил. На мысли свои цыкнул, чтоб больше его не пугали. Шел в темноте и тишине.

Перед калиткой во двор Крупиных остановился. Прислу-

шался. Такая же тишина, что и на его дворе. Но ведь на слух не определишь: есть рядом снайпер или нет его? Только на глаз определить можно!

Осторожно открыл Сергеич калитку, за дом прошел, в сад. У последнего ряда деревьев замер, в огород заснеженный вглядываясь. Вроде как и видел он это пятно из сена. В темноте на снегу оно серым казалась. Но ведь в темноте глазам и обмануться можно, глаза часто не видят, а додумывают не полностью увиденное. А человек привык им верить, даже если подслеповат сам или видимость перед ним сомнительная из-за природы или дыма.

Затаив дыхание, присел пчеловод на корточки и, как утка, покачиваясь, стал вперед, к краю огорода Крупиных продвигаться. Снова правое колено заныло, да не было у него желания на коленное нытье внимание обращать. У позиции снайперской вздохнул с облегчением – никого! Только сено да те же гильзы на снегу.

«А если б там снайпер лежал, да к тому же не Пашка, а кто другой? – подумал вдруг Сергеич, ощутив дрожь в коленях. – Что б я ему сказал? Попросил бы, чтоб тот в солдата не стрелял? Потому, что солдат мне мобильник заряженный несет? Ну и дурак же я! Чего я сюда приперся?»

Почувствовал себя пасечник самым дурным из дураков. Дальше даже думать стало боязно. Но воображение его перепуганное уже уложило Пашку на снайперскую лежанку. И вот словно видел теперь он перед собой «врага детства», ле-

жащего в кожане с высоко поднятым воротником. Видел и чувствовал, как испуг его тело покидает. Ведь что Пашка? Не прислушается к просьбе Сергеича, который ему и мед дарил, и окна вставлять помогал? Как это не прислушается?! Не может такого быть! Нет, Пашка-снайпер к просьбе одноклассника с уважением отнесется и винтовку свою с оптическим прицелом на снег опустит или вообще сразу поднимется и домой к себе на улицу Шевченко пойдет! Может, даже обрадуется, что не надо в темноте и в холоде на сене лежать и ждать, пока какой-нибудь украинский солдат в прицел винтовки не войдет!

Вернувшись домой, уселся Сергеич возле буржуйки. Сначала одетый посидел, всем телом сквозь одежду приятное тепло впитывая. Потом куртку снял, разулся. Наконец, почувствовал то, что стало его телу приятно в теплом воздухе. Но это ведь никакое не счастье, а просто возвращение к домашнему уюту. Хотя уют этот, конечно, даже всей его большой комнаты не покрывал. Как и свечка не доставала своим огоньком до стен и углов. Но зачем Сергеичу стены и углы? Ноги уже изучили радиус уюта, в центре которого буржуйка стояла. За этот радиус он только по необходимости выходил: что-то достать, переложить, взять.

И тут трижды по двери чья-то рука ударила.

– Кто там? – крикнул хозяин дома.

Вроде и ответили за дверью, но как-то невнятно и негромко.

«Не Пашка», – понял он.

Открыл. На пороге Петро в камуфляже, на плече автомат, у ног – рюкзак.

Кивнул ему Сергеич, посторонился, пропуская гостя внутрь.

– А чего ж зимнего камуфляжа не дают? – спросил. – В белом было бы безопаснее!

– Да все равно темно, – проговорил Петро. – Что у вас случилось?

– Ничего, – хозяин плечами пожал, глядя, как гость высокие военные ботинки расшнуровывает. – Я вот вермишель сварил. Сейчас тебе с яйцом поджарю!

– А я думал, вы голодаете! Еду принес, – словно разочарованно произнес солдат.

– Позавчера голодал, вчера в Светлое ходил мед на яйца менять. Завтра – кто знает? Ты проходи, возле печки садись, грейся!

Уселся солдат на стул лицом к буржуйке, ноги в толстых носках прямо под дверцу поднес.

Сергеич по дну горячей сковородки вилкой с салом поводил, вермишель туда высыпал, яйцо вылил.

Под скворчание готовящейся еды наполнился воздух вкусным, солоноватым ароматом. Петро улыбнулся. Сергеич, размешивая деревянной ложкой вермишель с яйцом, к сковородке присмотрелся. Задумался: а хватит ли еды на двоих?

– Может, настоячки медовой? – предложил он солдату, когда тот уже за столом вермишель наминал.

– Не, спасибо! Лучше бы чаю! – ответил солдат.

Поставил хозяин дома на буржуйку чайник.

– А вас там хоть кормят, в окопах? – спросил, снова за стол усаживаясь.

– Кормят, – Петро поднял взгляд на Сергеича. – Да и не сидим мы все время в окопах. У нас там блиндажи хорошие, и пару хат брошенных в селе заняли. Там все есть! Даже банька.

– Ага, значит, надолго? – вырвался у пасечника двусмысленный вопрос.

Солдат пожал плечами.

– По мне, так лучше б дома сидеть! Мне отпуск обещали, пять дней. Жену и детей повидать!

– А зовут их как? – поинтересовался Сергеич.

– Жену – Света, дочку – Галюня, а сын – Иван!

– Хорошие имена, – произнес задумчиво хозяин. – Мне такие нравятся. Детям имена сам выбирал?

– Нет, мы вдвоем с женой. Сразу согласились!

– Повезло, значит, тебе с женой! А у нас не получилось.

– Что не получилось?

– Да так выбрать дочке имя, чтобы и я согласен был, и она.

– И как же назвали?

– Анжелика теперь. А поначалу я ее Светланой зарегистрировал. Но жена, когда уехали они от меня, наново ее пе-

реименовала.

– Да, какое-то имя для вашей местности не подходящее, – согласился Петро. – Для города еще годится, там на имена никто внимания не обращает. А у вас тут так серо! И если на сером фоне такое имя яркое...

– Ну, знаешь, – удивился Сергеич, – серое тоже ярким бывает! Много ты понимаешь про серое! Я вон могу оттенков двадцать серого различить. Был бы образованнее, я б им особые названия придумал, как отдельным цветам! И не всё у нас тут серое! У меня вон в гараже «жигуль» зеленый стоит! «Четверка»!

– Что, не отжали? – Теперь наступил черед удивляться солдату. Но удивился он благодушно, словно за хозяина дома порадовался.

– А некому было отжимать! – ответил Сергеич. – Вдвоем мы тут остались, а Пашке-соседу он и на хрен не нужен. Он водить не умеет. Да и не бандит он! Это бате моему спасибо, что с машиной я! Он мне в наследство мотороллер с коляской оставил. Стал я его продавать, так за ним покупатель из самого Таганрога приехал! И мне взамен машину купил!

– Да не бывает мотороллеров с коляской! – ухмыльнулся Петро, будто хозяина на детском вранье подловил.

– Много ты знаешь про мотороллеры! «Вятка 200-К»! Слышал о таком! Покупатель сказал, что редкость! Да еще и на ходу! Я могу тебе фотографии показать!

Вскочил возбужденный Сергеич, к серванту подошел,

правую нижнюю дверцу открыл. Выложил из нее большую инкрустированную шкатулку на пол, вытащил два фотоальбома. Стал первый листать. Вернулся с ним, раскрытым. Перед солдатом на стол опустил.

– Вот, смотри! Смотри, а я пока чай сделаю!

– Ну да, – удивленно выдохнул Петро. – Таких не видел! Не доезжали они, видно, до нас! Интересная штукавина!!!

Он бросил взгляд на большую необычным узором инкрустированную шкатулку на полу под сервантом.

– А там что? Тоже фотографии? – поинтересовался.

– Нет! – Сергеич наклонился, вернул шкатулку на место и закрыл дверцу.

– Красивая шкатулка! – понимающе произнес солдат.

– Сам сделал, – прохладно ответил хозяин. – Увлекался раньше такими штуками. Я ж, когда школьником был, несколько раз в областных и районных олимпиадах по ручному труду побеждал.

– Это хорошо, когда у мужика руки из правильного места растут, – чуть ли не с завистью вырвалось у Петра. – У меня с деревом не сложилось. А вот велики ремонтировать умею!

– А что там у вас, в Украине? Какие новости? – В голосе Сергеича нотки усталости зазвучали. Словно уже и не интересно ему было разговор продолжать.

– Новости? Да ничего нового! По всей стране города и улицы переименовывают! Будто других проблем нет! – махнул рукою солдат. – А это ж сколько работы! Плюс саботаж

на местах. Люди отказываются таблички улиц снимать! Требуют, чтоб оставили. Другие требуют, чтобы флаг перевернули. А как по мне, я б сначала страну переименовал...

– А во что бы ты ее переименовал? – оживился от удивления хозяин дома.

– Ну во что? Не знаю, я не политик! Ну, в Украинскую Народную Республику, например! – неуверенно предположил Петро.

– В «народную» не надо, – замотал Сергеич головой. – Сразу к власти дурни и бандиты придут, как в этих «дэнэрах»! А чего ты не бритый?

– Я? – переспросил гость и провел пальцами по щеке. – Да жду, когда волонтеры новые станки одноразовые привезут.

– Подожди! – хозяин снова поднялся, к серванту отошел. Вернулся за стол с небольшой коробочкой в руках.

– Вот, возьми! Электрическая! Хоть и старая, но работает, как комбайн. Ничего не пропускает.

Петро вытащил из коробки округлую, чем-то похожую на сплюсненную грушу электробритву с красивой витиеватой металлической надписью на красном корпусе: «Харьков».

– Мне она ни к чему тут. Электрики все равно нет!

– Спасибо, я потом верну! – пообещал солдат, пряча бритву обратно в коробку. Вдруг глаза его загорелись, будто вспомнил он что-то важное. – Кстати, убитого, что на поле лежал, забрал кто-то. Наверное, сепары из Каруселино! Нет его больше там!

Хмыкнул Сергеич.

– Я его забрал, – сказал. – Снегом накрыл. Лежит он там, бедный!

– Да? – удивился Петро. – Ну вы рисковый! Могли б и выстрелить, если б заметили!

– А я ночью, когда все спали!

Выпили они чаю с медом. И тут Сергеич про свой мобильник вспомнил. Спросил гостя.

– Да, зарядил! Давно! Вот он! – выложил тот и зарядку, и сам телефон из кармана куртки. – И вот, на всякий случай, мой номер! – добавил к телефону бумажку. – Теперь можно не тряпку вешать, а эсэмэску послать или даже позвонить, если что срочное!

– Спасибо, – сказал Сергеич. – Ты – человек слова! Тут таких ценят! Может, все-таки чуть настойки медовой в дорогу выпьешь? Чтобы теплее было.

Тут он в глазах солдата борьбу сомнений и желаний заметил.

– От пятидесяти грамм еще никто не пьянел! И я с тобой выпью, чтоб не думал, что там отравка! Я сам редко пью...

– Ну ладно, – махнул рукой Петро, сдавшись.

Достал Сергеич бутылку.

– Я тебе сейчас такую посуду дам, из которой ты еще в жизни не пил! – приговаривал он, верхнюю дверцу серванта отворяя.

Вынул оттуда хрустальную туфельку.

– Мы из нее на свадьбе с Виталиной пили. Теща бывшая подарила.

Поставил ее аккуратно перед онемевшим от удивления солдатом.

Себе Сергеич обычную рюмку достал. Но сначала налил гостю, и заиграла хрустальная туфелька радостной желтизной настойки.

– Давай выпьем за то, чтоб все это на хрен быстрее кончилось!

– Война, что ли? – уточнил солдат.

– Ну да!

– Согласен! – закивал Петро. Взял правой рукой за высокий тонкий хрустальный каблук, как за ручку бокала, с трудом и осторожностью ко рту туфельку поднес и помедлил немного, пытаясь понять, к какой ее части можно губами приложиться. Наклонил туфельку так, чтобы пятка внизу оказалась. Перелилась настойка туда, и выпил ее Петро из «пятки» медленно, сладким вкусом меда наслаждаясь.

Проводил Сергеич гостя до края огорода. А когда тот уже шагов десять по полю сделал, вспомнил про лежище снайпера, окликнул, чтоб Петро вернулся. И повел его Сергеич по краю огородов к тому самому месту. Показал.

– На днях нашел! – сказал. – Вот, думал, предупредить тебя!

Солдат, который мгновение назад пчеловоду выпившим казался, враз протрезвел.

– Спасибо, Сергеич! – проговорил он медленно и серьезно.

Потом руку пожал и прямо от снайперской позиции вниз по полю пошел. Не сгибаясь, не пригибая голову, бесстрашно.

Смотрел Сергеич ему вслед, пока не размыла силуэт ночная серость, пока не исчез он в ней.

Настроение у него перед ночью тихо-радостным стало. Принесенные солдатом в рюкзаке крупы и консервы на подоконнике расставил: там и прохладнее, и мыши не достанут. А после этого в буржуйку угля добавил да и спать улегся.

Сергеич снегопад случайно заметил. Перед тем, как будильник завести на ночь да свечи задуть, прильнул он к окну, и показалась ему темень законная живой. Это потому, что обычно темень молчит, а тут будто разговор удаленный, стеклами приглушенный он услышал. Понял, конечно, что это снег шуршит, что снежинки, в густой тесноте падающие, друг о друга трутся. Понял, но чтобы удостовериться, не одеваясь и только на мгновение на двор выглянул. И сразу услышал, как дверь входная, которую он от себя толкнул, стесала с порога свежее снежное покрытие, и увидел, как провела красивый циркульный полукруг на пороге заснеженном.

Тут же закрыл Сергеич дверь и замкнул все ее запоры, чтобы ночью себя безопаснее чувствовать.

Затушил свечи. Закрыл глаза и выпал на целую ночь из жизни. А когда открыл их заново – в доме прохладно было, а за окном новое утро серело.

«Накормил» Сергеич буржуйку углем. Сверху на нее чайник с водой поставил, понимая, что быстро он не вскипит. Но ничего! Есть у него и время, и терпение, и уголь! До весны точно хватит! А может, и до лета, если весна холодной и затяжной будет. Всего хватит! И угля, и терпения! А времени тем более! Оно теперь всё его личное! Пока жив!

Вспомнилось, как пару дней тому солдату Петру он аль-

бом с фотографиями отца и его мотороллера с коляской показывал. Ему показывал, а сам не смотрел! А теперь вот захотелось. К чаю!словно сладкого. А почему «словно»! Воспоминания – они и есть та сладость, которая и без сахара жизнь вкуснее делает! Фотографии-то все старые, мирные! Довоенные! От послевоенных отцовских до довоенных своих. Там и Виталина с дочуркой, и свадьба соседская, и выезд в Славяногорск на съезд пчеловодов!

Выложил Сергеич на стол оба альбома. И когда, наконец, настало время чаепития, стал он первый альбом перелистывать. Опять задержал взгляд на мотороллере с коляской, который теперь где-то по России ездит. Смешной транспорт, что ни говори! Недаром никто не верит, что мотороллер с коляской вообще бывает! Что-то в нем от игрушки детской есть! На следующей странице альбома отец с матерью, вроде и годами не старые, но уже дряхлые, со взглядами потухшими. О работу они свои взгляды потушили. Глупые работы у них были. Мать кладовщицей в районной больнице работала. Круговорот белья постельного в больнице контролировала, ведь оно все время к ней возвращалось: больного подлечили или, наоборот, в морг отвезли, белье в стирку с дезинфекцией, потом в глажку, поток к ней, а от нее назад на койки для новых больных. А отец всю жизнь маленькую технику любил, а для заработка приходилось на большой ездить. Он даже признавался когда-то сыну своему, что страшно ему за рулем КамАЗа сидеть, что боится кого-нибудь на дороге

убить. «Машина-то тяжелая, неуклюжая!» – повторял он часто. Вот на мотороллере с коляской ему было за счастье прокатиться. Мать иногда с ветерком из больницы домой забирал. А умер как раз, как те, которые чего-то всю жизнь боятся: от инфаркта. Он даже и не понял, что у него инфаркт. Потому и испугаться не успел. Никто не понял. Даже фельдшерица сельская, за которой мама, когда отцу плохо стало, сбегала. Только потом врачи сказали, в чем дело. Хорошо, что родители до войны новой не дожили. И лежат теперь вместе за церковью разбомбленной, не зная, что над ними на земле происходит!

Следующие страницы фотоальбома настроение Сергеича к лучшему переменяли. Там уже он в своей стихии оказался, среди таких же, как он сам, пчеловодов. Их прощальный пикник на речке. Вечер у костра. Соседи по комнате – Ахтем из Крыма, из-под Бахчисарая, Гриша из Белой Церкви. Хорошо и весело им было втроем, и комнатка пансионата, в котором всех участников съезда разместили, хоть и была маленькой, но тесной не казалась. Где-то в записной книжке и адреса их есть с телефонами! Вот закончится война, надо будет связаться! А еще лучше увидеться! Может, новый съезд соберут и пригласят его снова? Только от кого он поедет? От областного общества пчеловодов вряд ли! Какое теперь общество в Донецке? А если и есть, то теперь не областное, а «республиканское», а значит, он в него уже не входит. А если та часть области, что в Украине осталась, своей столи-

цей Мариуполь выбрала, то, возможно, там теперь новое общество пчеловодов заседает! Только он ведь как бы и не в «республике», и не в стране. В серой зоне он, а у серых зон столиц не бывает!

Опять взгрустнулось Сергеичу. И вдруг стук в двери громкий.

Вздрогнул он, но спешить к двери не стал. Сначала фотоальбомы на место возвратил, положив их поверх большой инкрустированной шкатулки. Плотнo дверцу шкафа прикрыл.

– Чего так долго? – вместо «здрасьте» спросил Пашка, входя в дом.

Следом за ним вошел не знакомый Сергеичу мужчина лет пятидесяти в теплых камуфляжных штанах и в черной брезентовой куртке, пухлой из-за дополнительно подшитого утеплительного материала – то ли искусственного меха, то ли какого-то ворсистого полотна.

Закрыл за ними хозяин дверь. Обернулся к гостям удивленно, не понимая причины их прихода.

– А что случилось? – спросил он строго у Паши, не глядя на незнакомца.

– Что случилось? – чуть ли не радостно удивился тот. – Ты что, Серый? В календарь не смотришь? Сегодня ж день Советской армии! Двадцать третье февраля! Вот пришли тебя поздравить! Ты же служил?

– Ну, служил, – Сергеич кивнул. – Водителем-механиком.

Но это ж когда было!

В руках у Пашки блеснула бутылка водки. Заходил он вроде бы без нее. Наверное, из кармана кожуха достал. Сергеич перевел взгляд на второго гостя, ему не известного.

– Это Владлен, – представил его Пашка. – Товарищ мой... Так что, отметим? Мы подумали, что вдвоем неправильно отмечать! Если мы втроем можем!

У Владлена, круглолицего, с родинкой на левой щеке и с густыми, но аккуратно подстриженными усами, оба боковых кармана куртки брезентовой оттопыривались так, будто в каждом из них по литровой банке лежало.

Гость, словно заметив интерес хозяина дома к своим карманам, вытащил оттуда два свертка.

– Мы ж не с пустыми руками, – сказал он, оглядываясь в поисках стола.

Пришлось Сергеичу на стол посуду и ножи-вилки доставать. Из свертков колбасу полукопченую, хлеб и сало вытащили.

– Ну, огурцы-помидоры соленые у тебя ж есть? – спросил Пашка, вешая кожух на спинку выбранного для себя стула.

– Есть, есть, – закивал хозяин.

Но первым делом из серванта рюмки достал.

– Серый, может, гостю в хрустальную «туфельку» нальешь? Ради хохмы? – предложил Пашка.

Сергеич обернулся и взгляд его мгновенно стер с лица Пашкиного хитрую ухмылку.

– Пусть стоит на месте, – строго ответил. – Это свадебный подарок, а не стакан граненый!

Нарезал пчеловод колбасы и сала, солонку, полную соли, на стол поставил. Литровку огурцов соленых открыл и поллитровую банку помидоров тоже. Пашка рюмки «казенкой» наполнил. Он же, Пашка, и тост первый сказал: – За Советскую армию! – после чего все трое выпили.

– Ты ж не служил, – жуя кусок колбасы, повернулся к Пашке Сергеич. – Чего это тебя за армию пить потянуло?

– Так это ж за защитников! Вот за таких, как он! – Пашка показал взглядом на Владлена.

Тот кивнул, согласие со словами Пашки показывая. Он еще ни слова в доме Сергеича не произнес, и поэтому хозяин чувствовал себя неуютно. Человек ведь себя не только лицом показывает, а и голосом или хотя бы пьяной песней! Недаром любое нормальное застолье песнями заканчивается! Но ведь не пьяные они еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.